М. Г. Моргулисъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

(ГИЛЕЛЬ, АКИБА.)

Изданіе Одесскаго Отдѣленія Общества Распространенія Просвѣщенія между Евреями въ Россіи.

ОДЕССА.
Типографія Исаковичъ и Бейленсонъ, уг. Дерибасовс. и Гаванной с. д. № 10
1898.

COPY 1 [illegible]

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Посвящается еврейской молодежи.

М. Г. Моргулисъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

(ГИЛЕЛЬ, АКИБА).

Изданіе Одесскаго Отдѣленія Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

ОДЕССА.
Типографія Исаковичъ и Бейленсонъ, уг. Дерибасовск. и Гаврійской, с. д. № 10.
1898.

Дозволено цензурою. — Одесса, 17-го Сентября 1897 г.

Введеніе.

Неблагопріятныя условія исторической жизни евреевъ сосредоточиваютъ главнымъ образомъ вниманіе ихъ на созданіи учрежденій, которыя временно могли бы облегчить настоятельныя нужды дня. Притомъ, большая часть этихъ учрежденій отличается характеромъ отрицательнымъ, имѣетъ задачею устранить временныя народныя бѣдствія. Только немногія изъ нихъ принимаютъ характеръ положительный, имѣющій цѣлью улучшеніе экономическаго быта народа. Но всѣ они не идутъ далѣе матеріальныхъ нуждъ еврея. Забота же о болѣе возвышенныхъ нуждахъ народа, объ удовлетвореніи нравственной потребности оставлена безъ вниманія. Во всей Россіи нѣтъ ни одного учрежденія, которое могло бы принять въ свои руки осуществленіе нравственныхъ задачъ, въ высокой степени важныхъ для народа; нѣтъ и необходимыхъ, источниковъ, по которымъ можно было бы ознакомиться съ исторіею и литературою евреевъ, именно съ тѣмъ, въ чемъ выражается богатое достояніе нашего прошлаго. Между тѣмъ такая дѣятельность вызывается именно современными условіями жизни русскихъ евреевъ. Наши западные единовѣрцы только этою стороною своей дѣятельности и оказали существенную услугу народу. Спеціально-еврейская наука и спеціально-еврейскіе центры ея развитія не дѣйствовали обособляющимъ образомъ на евреевъ. Напротивъ, они способствовали, съ одной стороны, ознакомленію евреевъ съ законами развитія ихъ исторической жизни, а съ другой—восполняли ощутительный пробѣлъ въ

различныхъ отрасляхъ общей науки. И то, и другое могло только содѣйствовать взаимному сближенію народовъ. Евреи западныхъ государствъ достигли самосознанія, выразившагося въ убѣжденіи, что они составляютъ часть цѣлаго, которую историческая судьба вела по тѣмъ же законамъ прогресса, по которымъ шло развитіе всего человѣчества. Другіе народы вынесли также убѣжденіе, что духъ еврейской письменности и догматика іудаизма, не смотря на исключительность историческихъ условій, согласны съ общечеловѣческою наукою и общечеловѣческою моралью. Еще болѣе они убѣдились въ томъ, что самая исключительность условій, при которыхъ развивалась историческая жизнь евреевъ, подтверждаетъ только общій законъ, въ силу котораго уклоненіе отъ общихъ условій развитія ведетъ и къ исключительнымъ результатамъ, и что необходимо поэтому измѣнить особенное отношеніе къ евреямъ. Въ западной Европѣ наука о евреяхъ доступна всѣмъ и въ такой степени популярна въ христіанскомъ обществѣ *ученыхъ*, что исключается всякая—у насъ, къ сожалѣнію, столь широкая—возможность новоявленныхъ ученыхъ, которые въ разныхъ учрежденіхъ, разрѣшающихъ судьбу евреевъ, розыгрываютъ роль авгуровъ, выдающихъ свое невѣжество Богъ вѣсть за какую ученость. Наши современныя условія, нѣсколько обострившіяся въ послѣднее время, требуютъ энергическихъ усилій, направленныхъ на уничтоженіе розни внутри самаго еврейства и внѣе его. Чтобы достигнуть разрѣшенія этой задачи, необходимо идти по слѣдамъ нашихъ западныхъ единовѣрцевъ. Мы должны оставить вкоренившуюся мысль, что разъясненіе истиннаго характера народа, его прошлаго и настоящаго, ни къ чему не поведетъ, потому, дескать, что враждебно къ намъ расположенныя сферы лучше насъ убѣждены въ правотѣ нашего дѣла и дѣйствуютъ въ духѣ недружелюбія совершенно по другимъ основаніямъ. Такая мысль—коренное заблужденіе, которое можетъ завести въ непро-

ходимую глушь безвѣрія. Оно можетъ усыпить самодѣятельность и довести до отчаянія. Напротивъ, выясненіемъ дѣйствительнаго положенія дѣла, широкимъ распространеніемъ историческаго знанія — можно дѣйствовать на государственныхъ людей и направить ихъ на истинный путь, гдѣ можно отыскать затерявшуюся правду о евреяхъ. Антисемитическая гидра, которая широко задумала въ западной Европѣ извести евреевъ ложными, хитросплетенными и искусно-обставленными обвиненіями, должна была сложить свои усѣченныя головы къ ногамъ просвѣщающей науки, и невѣжественные авгуры ея должны были смолкнуть предъ авторитетомъ этой послѣдней. Одно знаніе, которое озаряетъ умы и открываетъ недоступныя, или плохо освѣщенныя области, въ состояніи совершить переворотъ въ умахъ людей, а безъ знанія безъ науки, невѣжество укрѣпляется и укрѣпляетъ другихъ. Борьба съ внутреннимъ и внѣшнимъ невѣжествомъ должна стать на первомъ планѣ, и мы должны содѣйствовать всѣми силами успѣху этой борьбы.

Но у насъ даже нѣтъ первыхъ необходимыхъ орудій нравственной борьбы.. Намъ необходимо составить исторію краткую, которая обнимала бы собою всю историческую жизнь евреевъ и составляла бы не перечень событій, а скорѣе общую характеристику главныхъ ея эпохъ съ изображеніемъ ихъ духа и направленія по главнымъ ихъ дѣятелямъ, около которыхъ группировались бы важнѣйшія событія. Кромѣ такихъ характеристикъ, важное значеніе имѣла бы исторія культуры евреевъ и затѣмъ исторія письменности евреевъ Такая исторія, взятая въ общихъ своихъ основаніяхъ, могла бы натолкнуть мысль еврейской молодежи и любителей неевреевъ на спеціальное изученіе тѣхъ или другихъ эпохъ, на ознакомленіе съ тою или другою стороною культурно-историческихъ моментовъ, на изслѣдованіе еврейской письменности въ томъ или другомъ періодѣ ея развитія.

На составленіе такой исторіи потребовалась бы масса труда и средствъ, превышающая силы отдѣльнаго человѣка. Для этого было бы необходимо, уразумѣвъ сущность такой задачи, дѣйствовать въ духѣ единенія и, собравъ всѣ находящіяся въ наличности силы, составить общій планъ исторіи, распредѣливъ между призванными отдѣльныя ея части. Независимо отъ этого, къ еврейской интеллигенціи, которая желала бы принять на себя такой трудъ, должна была бы присоединиться и другая часть еврейства, которая въ состояніи практически осуществить идею объ изданіи такой исторіи, составляющей насущный хлѣбъ данной минуты. Пока же произойдетъ такое соединеніе силъ для общей пользы, необходимо дать то, что оказывается возможнымъ для отдѣльнаго человѣка; необходимо собрать историческій матеріалъ по эпохамъ, дать ему надлежащее освѣщеніе и оцѣнку и, такимъ образомъ, мало-по-малу, трудами многихъ лѣтъ подготовлять почву для будущихъ работниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать у молодежи интересъ въ исторіи. Такъ началась дѣятельность западныхъ нашихъ единовѣрцевъ; такъ она, очевидно, начинается у насъ, хотя намъ, благодаря опыту, можно было бы идти уже не зигзагами, а прямою дорогою, направленіе которой предъ нами такъ ясно намѣчено Но дѣлать нечего: лучше не жалѣть труда на прохожденіе болѣе длиннаго пространства, чѣмъ отказаться отъ всякаго движенія. Быть можетъ, прошлое наше вызоветъ подражаніе: быть можетъ, наши дѣятели также придутъ къ сознанію необходимости направить общія, соединенныя силы на развитіе внутри насъ самосознанія, а внѣ— лучшихъ идей человѣколюбія и разумнаго пониманія общечеловѣческихъ началъ. Вся исторія евреевъ представляетъ собою бережливое культивированіе этихъ началъ, потому что—кому не можетъ быть болѣе дорого человѣколюбіе, какъ не тѣмъ, которые плотью и духомъ своимъ

добываютъ его у человѣчества и которые успѣли пронести испещренное кровью знамя его чрезъ ряды тысячелѣтій, все взывая объ одномъ и томъ же—*о человѣколюбіи*? Благородные люди нашей націи, люди разныхъ сферъ и классовъ, духъ которыхъ живетъ въ духѣ народа,—его прошломъ, настоящемъ и будущемъ,—должны стать подъ этимъ знаменемъ, должны не только молиться за просвѣщеніе друговъ и недруговъ, но и дѣйствовать въ духѣ этого просвѣщенія. Цѣль такого просвѣщенія—внутреннее примиреніе партій и искорененіе внѣшней розни, но не въ смыслѣ поглощенія однихъ другими, а въ смыслѣ взаимнаго признанія и уваженія. Самосохраненіе и самостоятельное развитіе силы, отличающейся своими особенностями, не противорѣчитъ существованію рядомъ съ ней такой же силы, если только обѣ онѣ стремятся къ осуществленію одной или даже разныхъ задачъ, но направленныхъ къ одной цѣли. Разнородность дѣйствующихъ силъ вноситъ оживленіе въ дѣятельность и оберегаетъ ее отъ застоя и односторонности.

Предлагаемые очерки должны укрѣпить сознаніе необходимости именно такой животворной, лишенной фанатической односторонности, дѣятельности. Мы избрали на первый разъ талмудическую эпоху, которая представляется намъ самою свѣтлою и исполненною столькихъ разумныхъ началъ, что молодое поколѣніе евреевъ можетъ черпать въ ней матеріалъ для усовершенствованія своего развитія и открывать идеалы жизни, вдохновляющіе къ живой, плодотворной и созидательной дѣятельности.

I.

Раби Гилель.

(Законовѣдъ, вавилонянинъ.)

Дѣятельность Гиллеля обнимаетъ эпоху быстраго паденія римской республики и скораго приближенія потери политической независимости Іудеи. Замѣчательно, что оба государства, столь различныя по своему политическому строю, достигли въ эпоху Гиллеля такого историческаго момента, когда совершенно сходныя основанія неминуемо должны были вести ихъ къ одной и той-же пропасти. Властолюбивый Римъ, достигшій въ то время самаго крайняго расширенія своихъ предѣловъ, всасывалъ въ себя всѣ соки провинцій и долженъ былъ пасть отъ своей собственной тяжести. По мѣрѣ возрастанія внѣшней славы, Римъ сталъ нравственно разлагаться: всѣ слои общества, и низшіе и высшіе, были крайне деморализованы, и римское общество должно было испытать горькую участь гражданскихъ междоусобій. Въ то самое время Іудея попала въ руки властолюбивыхъ идумеевъ. Захвативъ власть, они стали больше заботиться о расширеніи предѣловъ Іудеи, чѣмъ о внутреннемъ благосостояніи страны. Будучи римлянами по духу, они отличались жаждою завоеванія и стремленіемъ къ сосредоточенію власти исключительно въ своихъ рукахъ. Это была эпоха Ирода, который поставилъ себѣ задачею истребить все потомство славныхъ Маккавеевъ, лишь бы удержать власть въ своемъ родѣ. При такихъ чисто-римскихъ наклонностяхъ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы при дворѣ думали и заботились о народномъ благѣ. Правда,

народная нравственность въ Іудеѣ держалась на жизненной силѣ закона. Но къ этому времени источники этой народной силы стали изсякать: представители великаго синедріона, единственные вдохновители народной идеи, начали терять свой авторитетъ съ тѣхъ поръ, какъ скончался глава его—Шемая, который своимъ смѣлымъ и могучимъ словомъ еще импонировалъ какъ іудейской, такъ и римской власти. Главное мѣсто въ синедріонѣ заняли бетеріанцы, которые отличались строгостью направленія, коренившагося въ знаніи закона и его традицій. Вся народная масса, оставшись безъ истинныхъ покровителей, стонала подъ гнетомъ налоговъ, а еще болѣе подъ игомъ такихъ религіозныхъ стѣсненій, которыя тяжело отражались на ихъ экономическомъ бытѣ.

Еще болѣе гибельно вліяло на судьбу массы вражда общественно-политическихъ группъ, у которыхъ были рѣзко-противоположныя міровозрѣнія. Это—садукеи и фарисеи. Первые представляли придворную партію, древнюю аристократію, дворянъ того времени. Главное ихъ стремленіе заключалось въ удержаніи свѣтской власти въ своихъ рукахъ и въ направленіи внѣшней, политической жизни. Стоя близко ко двору и къ государственно-политической жизни народа, они весьма мало интересовались его религіозно-экономическою жизнію. Они заигрывали то съ греками, то съ римлянами, которые постоянно посягали на религіозныя основы іудаизма.

Народу, однако, еще памятны были побѣды Маккавеевъ надъ стремленіемъ грековъ къ оскверненію ихъ святыни,—самого дорогого достоянія предковъ. Къ тому же экономическое положеніе было крайне критическое, и облегченія этого гнета народъ естественнѣе всего могъ ожидать отъ представителей власти, какими были саддукеи. Между тѣмъ послѣдніе въ религіозныхъ вопросахъ совершенно удалялись отъ народной почвы. Традиціи устнаго закона, которыми народъ дорожилъ, какъ наслѣдіемъ Великой Синагоги, совершенно отвергались саддукеями, которые

строго держались буквы Моисеева закона, не допуская толкованія его въ прогрессивномъ смыслѣ. Казалось-бы, что аристократія, отличающаяся свѣткостью и пресыщенная роскошью должна была стоять за свободное развитіе закона и приведеніе его въ соотвѣтствіе съ болѣе современными условіями жизни, но Саддукеи въ этомъ отношеніи проявили себя ретроградами, ставя выше всего букву закона. Увлеченные стремленіемъ къ власти и политическою жизнію государства они порвали всѣ нити, которыя должны были связывать ихъ съ массою, и имъ вовсе не было интересно знать, въ какой мѣрѣ законъ и традиціи отражаются на народной жизни.

Совершенно противоположную роль играли фарисеи. Необходимо отмѣтить, что фарисеи имѣли семь подраздѣленій, которыя отличались другъ отъ друга различными оттѣнками. Одна часть ихъ выдавалась своимъ ханженствомъ, своею приверженностью къ внѣшней обрядности и отсутствіемъ внутренняго благочестія. Къ сожалѣнію признаки этой части перенесены на весь классъ фарисеевъ, что это противорѣчитъ исторической правдѣ. Фарисеи, о которыхъ мы говоримъ какъ о классѣ, противоположномъ саддукеямъ, составляли ядро еврейства того времени.

Это былъ единственный классъ, который честно держался на національной почвѣ, съ самоотверженіемъ отстаивая интересы народа, раздѣляя съ нимъ его судьбу и вдохновляя его къ усвоенію твердыхъ началъ нравственности. Не увлекаясь ни свѣтскою властію, ни политическою жизнію, они раскинули свое знамя въ сферѣ нравственно-религіозной. Истолкованіе закона въ духѣ строгой морали, проведеніе прогрессив-ныхъ началъ въ народную жизнь, сохраненіе и развитіе учрежденій, благопріятно вліявшихъ на строй жизни, вотъ что фарисеи предпочитали славѣ полководцовъ и вершителей государственно-политическихъ судебъ народа. Отмѣтимъ, что исторія евреевъ не знаетъ выдающихся людей изъ

класса саддукеевъ, тогда какъ она сообщаетъ о представителяхъ фарисеевъ, которые въ каждую эпоху выдвигаются—кто своею нравственностью, кто своимъ блестящимъ умомъ и общечеловѣческими познаніями, кто своимъ высокимъ дарованіемъ на поприщѣ воспитанія народнаго духа. Это былъ единственный классъ между евреями, отличавшійся живучестью духа и преемственно передававшій руководительство народомъ изъ одной эпохи въ другую. Фарисеи создавали академіи, они развивали всѣ области права, религіи и морали, они выносили на своихъ плечахъ всѣ тяготы народной жизни въ ихъ средѣ разрабатывались тѣ мировоззрѣнія, которыя сохранились въ замѣчательныхъ памятникахъ народной жизни.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что коренное различіе въ воззрѣніяхъ фарисеевъ и саддукеевъ на народную жизнь должно было вести къ рѣзкимъ столкновеніямъ между этими общественными классами. Не смотря на то, что фариссеи и саддукеи жили отдѣльными интересами, разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ требовало ихъ совмѣстной дѣятельности. Поприщемъ столкновенія служилъ Синедріонъ, который пользовался огромною властію и захватывалъ въ сферу своей дѣятельности разрѣшеніе вопросовъ чисто-политическаго свойства, какъ напр. вопросы объ осуществленіи завоевательныхъ плановъ государства. Столкновенія во многихъ вопросахъ отличались неимовѣрною страстностью.

Фарисеи были знатоками закона въ широкомъ смыслѣ, а саддукеи, въ силу узкости своихъ взглядовъ и приверженности къ буквѣ, значительно имъ уступали. Отсюда все то, что не могло быть утверждено силою нравственнаго убѣжденія, утверждалось силою власти. Отсюда частая смѣна синедріонистовъ и постоянное колебаніе въ Синедріонѣ господства то саддукеевъ, то фарисеевъ. Такъ какъ народъ ближайшимъ образомъ былъ заинтересованъ рѣшеніемъ возбужденныхъ въ Синедріонѣ вопросовъ, то

[illegible]

[illegible] не стѣсняли [illegible],

какъ фарисеи создали [illegible] институты [illegible]

[illegible] старому [illegible]

[illegible],—достаточно все [illegible] вспомнить для [illegible]

[illegible] себѣ причину [illegible] к[illegible]

[illegible] его къ фарисеямъ.

[illegible] другихъ классовъ, [illegible]

[illegible] не имѣли непосредственнаго вліян[illegible]

[illegible], какъ совершенно выдѣлившi[illegible]

[illegible] принципы довел[illegible]

[illegible] и нѣкаго вмѣшательст[illegible]

[illegible] исключительно въ сфер[illegible]

[illegible] ни на какое соприкосно[illegible]

[illegible] числомъ [illegible]

[illegible], которые постави[illegible]

[illegible] Кнтера — пр[illegible]

власти, или добиваться участія въ религіозныхъ дѣлахъ евреевъ—при благопріятномъ на ихъ сторону поворотѣ исторической судьбы, вызывали только народное презрѣніе. Одни Александрійцы могли бы имѣть вліяніе на евреевъ. Они имѣли собственный храмъ, посвящены были въ греческую науку, и лучшіе ихъ представители дѣлали даже попытку къ примиренію греческой философіи съ библейскимъ юдаизмомъ, попытку, которая отчасти оказалась неудачною, но Александрійцы сосредоточивали свою общественнно-религіозную жизнь въ Египтѣ и мало также приходили въ общеніе съ палестинскими евреями. Поэтому вся борьба внутренней жизни евреевъ происходила только между двумя классами – саддукеями и фарисеями, между аристократическимъ и демократическимъ элементами палестинскаго еврейства. Глубоко затрагивая народные интересы, борьба эта волновала умы народа и вносила смуты въ его жизнь.

Въ эту именно трудную эпоху суждено было заняться зарѣ новой жизни. На горизонтѣ синедріона взошло яркое свѣтило, которое должно было озарить своимъ блескомъ не только одну Іудею и освѣтить совершенно новый путь—путь ***человѣчности въ законѣ и миролюбія въ жизни человѣчества***. Это былъ—законовѣдъ Гиллель, память о которомъ еще по нынѣ сохранилась въ народѣ своими благими началами. Онъ жилъ 70 лѣтъ до и 10 лѣтъ послѣ Р. Х. и былъ укоренителемъ въ народѣ великой идеи ***законножизненности***.

Будучи ученикомъ сошедшаго въ могилу Шемаи и освоившись съ его направленіемъ, Гиллель выработалъ опредѣленныя начала, сообщилъ имъ жизненный толчокъ, благодаря которому воззрѣніе Гиллеля сдѣлалось господствующимъ въ ряду многихъ и многихъ поколѣній,—вплоть до нашихъ дней. Своими способами толкованія библейскаго закона, своимъ глубокимъ знаніемъ традицій, одухотворенными высокими общеобразовательными познаніями, преимущественно по есте-

ствовѣдѣнію, Гиллель повелъ впередъ народную жизнь согласно новымъ потребностямъ. Ученіе его отличалось всесторонностью взгляда и широтою началъ. Старый библейскій законъ, подъ вліяніемъ этихъ началъ, достигъ такого развитія, о которомъ не смѣли мечтать до Гиллеля. О немъ говорили, что онъ явился не для того, чтобы разрушить законъ, а для того, чтобы поддержать его авторитетъ въ глазахъ народа. Будучи потомкомъ Давида, Гиллель проложилъ, однако, себѣ путь не своимъ происхожденіемъ, а личными заслугами, и это дѣлаетъ ему тѣмъ больше чести, что онъ, какъ вавилонянинъ, былъ чуждъ Іерусалиму, гдѣ къ его землякамъ относились вообще подозрительно и гдѣ ему самому въ первое время приходилось еще слышать сарказмы, относившіеся прямо къ его личности. Въ такомъ положеніи достигнуть того, чтобы, по выслушаніи его метода толкованія закона въ духѣ и интересѣ народа, представители синедріона—бетеріанцы уступили ему добровольно главенство въ высшемъ народномъ судилищѣ, — удостоиться такой чести несомнѣнно могъ только человѣкъ съ большою эрудиціею и высокимъ авторитетомъ.

Вся дѣятельность Гиллеля направлена была къ практическому примѣненію великихъ началъ разума, справедливости и нравственности; и съ этой стороны онъ всегда подходилъ къ старому закону. Старое библейское правило: „люби ближняго, какъ самого себя" въ глазахъ Гиллеля было слишкомъ идеалистичнымъ. Какъ положительный завѣтъ, данный Моисеемъ въ эпоху возрожденія народа, это правило не могло имѣть практических результатовъ, потому что не извѣстно было— какъ это слѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя. Всякій идеалъ, даже предначертанный такимъ великимъ законодателемъ, какъ Моисей, даже содержащій въ себѣ такое человѣчное начало, какъ любовь къ ближнему, можетъ превратиться въ мертвую букву, если не подъискать удобопонятной формулы, дающей ему возмож-

ность проникнуть въ жизнь людей. Такую формулу нашелъ Гиллель, главная задача котораго и состояла въ оживленіи закона, въ сообщеніи ему такой жизненности, при которой онъ могъ бы сдѣлаться реально-ощутительнымъ въ народномъ сознаніи. *„Не дѣлай другому того, что тебѣ самому не любо"*—это толкованіе сразу объяснило, что любить ближняго, какъ самого себя,—значитъ не дѣлать другому того, что самому себѣ не любо. Каждый человѣкъ чувствуетъ то, что ему не любо, и долженъ, поэтому, воздерживаться отъ такихъ дѣйствій въ отношеніи своего ближняго, которыя могутъ причинять послѣднему непріятности. Практическая формула найдена. Она свела идеалъ съ недосягаемыхъ высотъ на землю и сдѣлала его популярнымъ въ народныхъ массахъ. Въ этомъ — великая заслуга Гиллеля.

Другое начало съ фаталистическимъ оттѣнкомъ, которое Гиллель получилъ какъ наслѣдіе отъ своихъ учителей, заключалось въ томъ, что упованіе на Бога должно избавить человѣка *отъ заботливости думать о завтрашнемъ днѣ*, если сегодняшній обезпеченъ. Такое начало, если оно понимается въ безусловномъ смыслѣ, можетъ превратить беззаботность небесныхъ птицъ въ жизненный принципъ. Вотъ почему Гиллель сдѣлалъ къ этому правилу, которое онъ часто повторялъ, одно спасительное добавленіе: *„если ты самъ не будешь работать, то кто же будетъ работать за тебя; если ты не будешь работать сегодня, то когда же?"* *Упованіе на Бога* и *трудъ*, какъ *принципъ жизни*, другъ друга восполняютъ: результаты труда вызываютъ упованіе на будущее; упованіе придаетъ энергію къ труду. Въ этомъ своемъ взаимодѣйствіи они сильно поддерживаютъ жизнь человѣка, и эту идею пропагандировалъ Гиллель своимъ ученіемъ.

Насколько высоко стояло у Гиллеля понятіе о народномъ благѣ, доказывается его нововведеніями. Бѣдствіе народа, доведеннаго до крайности налогами и неурожаями, подчасъ увеличивалось еще стѣсненіями со

стороны закона. Никто не рѣшался заключать долговое обязательство съ бѣднымъ земледѣльческимъ классомъ изъ опасенія лишиться права на взысканіе долга по наступленіи субботняго года. Извѣстно, что, по библейскому закону, субботній годъ былъ предѣломъ срока давности для взысканія долговъ. И вотъ Гиллель, во избѣжаніе нарушенія закона со стороны кредиторовъ, разрѣшилъ послѣднимъ, до наступленія субботняго года, письменную передачу своихъ обязательствъ на имя суда, который по нимъ взыскивалъ долги отъ себя. Это разрѣшеніе было основано на томъ, что законъ объ оказаніи помощи бѣдняку во время крайней нужды важнѣе закона о давности субботняго года, который былъ разсчитанъ на несложный земледѣльческій бытъ и на существовавшее довѣріе. Между тѣмъ времена Ирода ушли далеко отъ библейской эпохи, и удержаніе въ полной силѣ закона о давности субботняго года нанесло бы невозградимый ущербъ сельско-хозяйственному быту народа. Это побудило Гиллеля разрѣшить вопросъ практической важности въ пользу народныхъ интересовъ.

Не менѣе важное значеніе имѣло другое установленіе Гиллеля *о судебной депозиціи*. Извѣстно, что, по библейскому закону, продавцу дома въ укрѣпленныхъ стѣною городахъ принадлежало право выкупа въ теченіи года со дня продажи. Между тѣмъ покупщики, съ цѣлію затрудненія этого права, въ послѣдніе дни срока скрывались и такимъ образомъ становились собственниками домовъ, не смотря на желаніе выкупа. Для преграждѳнія злоупотребленій подобнаго рода, Гиллель разрѣшилъ взносъ выкупной суммы въ судебное мѣсто и вступленіе во владѣніе домомъ. Продажа съ правомъ выкупа, очевидно, скрывала собою заемъ на одинъ годъ, а къ займамъ прибѣгали люди нуждающіеся, которые безъ права депозиціи были бы отдаваемы въ произвольное распоряженіе заимодавцевъ.

Эти два нововведенія Гиллеля, дошедшія до насъ,

сами по себѣ характеризуютъ его облегчительное направленіе, которое, какъ мы увидимъ ниже, сдѣлалось господствующимъ. Но кромѣ нововведеній, вызванныхъ измѣнившимися условіями жизни, Гиллель всѣ вопросы разрѣшалъ *въ духѣ облегченія*, придерживаясь выработанной имъ системы толкованія законовъ. Одно только невѣжество, подверженное сомнѣніямъ и колебаніямъ, ведетъ къ строгости въ истолкованіи законовъ, строгости, не щадящей никакихъ интересовъ; между тѣмъ облегченіе народныхъ интересовъ вызываетъ энергичную самодѣятельность, самостоятельность воззрѣній и просвѣтительное пониманіе духа закона. Можно сказать, что, благодаря системѣ Гиллеля, въ талмудическую эпоху утвердилось въ аудиторіяхъ столь извѣстное правило, какъ „*сила облегченія предпочтительнѣе*“.

При развитіи своихъ положеній въ аудиторіи и внѣ ея, и въ самомъ синедріонѣ, Гиллель отличался неподражаемымъ *духомъ миролюбія*. Даже позднѣе, когда въ синедріонъ вошелъ великій представитель противоположнаго направленія—Шамай, образовавшій также особую школу, Гиллель былъ чуждъ не только страстности въ преніяхъ, но и какихъ бы то ни было пріемовъ, которые свидѣтельствовали о раздражительности тона, желаніи оскорбить, или задѣть противника. Онъ нерѣдко уступалъ своимъ противникамъ, когда они давали дѣлу слишкомъ страстный оборотъ. Такое спокойное, объективное отношеніе къ дѣлу, основанное на философскомъ пониманіи своей задачи, часто доставляло Гиллелю перевѣсъ надъ противниками и даже тогда, когда проведеніе его взглядовъ казалось уже совершенно проиграннымъ дѣломъ. Бывали примѣры, когда Гиллель, желая положить конецъ страстнымъ нападкамъ главнаго противника, показывалъ видъ уступчивости,—какъ вдругъ даровитѣйшій изъ противниковъ съ жаромъ начинаетъ защищать воззрѣніе Гиллеля, которое принимается всѣми и дѣлается господствующимъ.

Такъ, извѣстный ученый послѣдователь Шамая, противника Гиллеля, Баба бенъ-Бута, почувствовалъ себя разъ вынужденнымъ стать на сторону Гиллеля, относительно дозволенія запрещеннаго Шамаемъ дѣйствія во время праздниковъ, и провести традицію, подтверждающую взглядъ Гиллеля. Бывали случаи, что самъ народъ (засѣданія синедріона происходили публично) отвергалъ рѣшенія, принятыя большинствомъ шамаитовъ противъ мнѣнія Гиллеля, и тогда подобныя рѣшенія синедріона становились обязательны лишь для послѣдователей Шамая: народъ же поступалъ согласно съ мнѣніемъ Гиллеля. Такимъ образомъ Гиллель обязанъ былъ, какъ мы сказали, помимо знанія закона и логичности соображеній, принципу, который онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ: *„учитель не долженъ быть раздражителенъ, а ученикъ—застѣнчивъ“*. Эти обѣ черты такъ тѣсно связаны между собою, что одна изъ нихъ вызываетъ другую: раздражительный учитель внушаетъ своимъ слушателямъ страхъ и робость, въ силу которыхъ они боятся предлагать вопросы, которые могутъ вызвать раздраженіе. Наука и вліяніе, которыми долженъ пользоваться учитель, теряютъ очень много отъ такого положенія вещей, и кто только смотритъ на своихъ слушателей какъ на людей, на которыхъ надобно дѣйствовать силою убѣжденія, тотъ долженъ помнить правила Гиллеля, которыми онъ дѣлалъ чудеса. Не было человѣка, который могъ бы вывести Гиллеля изъ терпѣнія. Въ этомъ отношеніи сохранилось нѣсколько сказаній. Два человѣка держали пари относительно возможности или невозможности вывести Гиллеля изъ терпѣнія. Тотъ, кто утверждалъ, что это возможно, явился у дверей Гиллеля и началъ кричать, опуская всякій титулъ: „Гиллель, эй, Гиллель!“ Гиллель набросилъ на себя мантію и вышелъ.—„Сынъ мой, что тебѣ нужно?“ — спрашиваетъ Гиллель.—„У меня есть вопросъ“.—„Скажи какой“?—„Почему вавилоняне имѣютъ шарообразныя головы?“—„Потому что у нихъ нѣтъ искусныхъ бабокъ“.

Человѣкъ ушелъ, но тотчасъ вернулся и опять началъ кричать: „Гиллель, эй, Гиллель!“ Гиллель опять надѣлъ на себя мантію и вышелъ,—„Что тебѣ желательно, сынъ мой?“—„Есть вопросъ!“—«Какой?»—«Почему пальмирейцы не имѣютъ широко раскрытыхъ глазъ?“ — „Потому, что живутъ въ песчаныхъ степяхъ“. Человѣкъ ушелъ, но чрезъ короткое время опять очутился у дверей Гиллеля съ крикомъ: „Гиллель, эй, Гиллель!“ Гиллель опять взялся за мантію, вышелъ и спросилъ что ему надобно.— „Почему у африканцевъ широкія ступни?“ —„Потому что они живутъ въ болотистыхъ странахъ!“ Человѣкъ продолжалъ далѣе: „У меня еще много вопросовъ, но я боюсь, что ты разсердишься“. Гиллель покрѣпче стянулъ свою мантію, сѣлъ предъ нимъ и просилъ предлагать вопросы. Но человѣкъ возразилъ: „Ты — Гиллель, лучше было бы, если бы подобныхъ тебѣ не было“.—„Почему?“— „Потому, что я изъ-за тебя проигралъ большое пари“.— „Успокойся, сынъ мой, сказалъ ему Гиллель,—лучше будетъ, если ты потеряешь это и еще такія пари, чѣмъ если бы Гиллель потерялъ терпѣніе“.

Стремленіе къ миру и истинѣ было главною задачею Гиллеля: „Будь между учениками Арона, люби миръ и стремись къ нему, люби людей и пріучай ихъ къ наукѣ“. Миръ и знаніе Гиллель, очевидно, также считалъ обусловливающими другъ друга, потому что только истинно научно-развитый человѣкъ понимаетъ высокое значеніе мира для общежитія и только духъ миролюбія способствуетъ спокойному изученію истины. Науку же Гиллель представлялъ себѣ не обособленною и не изолированною. Онъ пропагандировалъ науку не на одной почвѣ юдаизма, а науку—обще-человѣческую. Онъ самъ изучалъ науку въ широкомъ смыслѣ этого слова и совѣтывалъ своимъ ученикамъ держаться того же пути. Кромѣ того, Гиллель былъ врагомъ аскетизма. Онъ считалъ *общительность* и жизнь среди другихъ *главною основою человѣческой жизни*. Онъ не могъ представить себѣ чело-

вѣка, который живетъ для себя самого, а не для другихъ.. „*Если я самъ для себя только, то что же я такое?*—говаривалъ Гиллель. Такимъ образомъ, *жизнь среди другихъ людей*, *жизнь не для себя самого, а для другихъ*, *жизнь, исполненная любви къ миру и стремленія къ истинѣ*,—вотъ что считалось задачею человѣка, по мнѣнію Гиллеля. Своею собственною жизнею Гиллель вполнѣ подтверждалъ возможность практическаго осуществленія такой задачи.

Точно также Гиллель одинаково пропагандировалъ *чистоту тѣлесную* и *чистоту душевную*. „Смотрите,—говорилъ онъ ученикамъ своимъ,—какъ охотно заглядываются на чистоту статуй и фигуръ, разставленныхъ на площадяхъ, въ театрахъ и дворцахъ. Не долженъ ли и человѣкъ, какъ носитель образа и подобія Божьяго, считать высшимъ велѣніемъ содержаніе въ чистотѣ и опрятности своего тѣла?“ Съ неменьшимъ рвеніемъ онъ заботился и о чистотѣ духа. Выходя изъ аудиторіи, онъ всегда торопился и говаривалъ ученикамъ, что онъ спѣшитъ домой принимать своего гостя. Когда слушатели его, послѣ частыхъ повтореній одного и того же, полюбопытствовали узнать, что это за гость его ожидаетъ каждый день, Гиллель отвѣтилъ: „Этотъ гость—душа наша, которая сегодня у насъ, а завтра, быть можетъ, ея уже не будетъ“. Гиллель, такимъ образомъ, ежедневно заботился о своей душѣ, принимая ее какъ дорогую гостью, чтобы, съ удаленіемъ изъ своей обители, она сохранила хорошую память о своемъ хозяинѣ-угостителѣ. Не только внутреннюю чистоту Гиллель считалъ потребностью чечеловѣка, вытекающей изъ чувства благодарности къ высокимъ качествамъ, которыми Богъ его одарилъ, поселивъ въ него душу, какъ отраженіе Божьяго величія,—но и наружную чистоту онъ выводилъ изъ необходимости не оскорблять божества содержаніемъ не въ подобающей чистотѣ того, что создано по образу и подобію Божьему. Такъ глубоко уразумѣть высокія обязанности человѣка

и такъ ясно вразумлять ихъ другимъ — можетъ быть удѣломъ только такихъ людей, какимъ былъ Гиллель, съ его внѣшнею чистотою и нравственнымъ величіемъ.

Для характеристики Гиллеля приведемъ нѣкоторыя изъ его изреченій, которыя сохранились въ еврейской письменности. Онъ говаривалъ: кто стремится къ возвеличенію своего имени, тотъ теряетъ его. — Безъ ученія человѣкъ мертвъ. — Кто пользуется наукой для низменныхъ цѣлей, тотъ нравственно погибаетъ.—Больше мяса — больше червей; больше добра — больше заботъ; больше женщинъ—больше чаръ; больше рабынь — больше разврата; больше рабовъ—больше грабежа; но больше знанія—больше жизни; больше школъ — больше мудрости; больше совѣта—больше разума; больше благодѣянія — больше мира.—Пріобрѣвшій доброе имя—пріобрѣлъ его для себя; кто же науку себѣ усвоилъ, тотъ пріобрѣлъ безсмертіе.

Ученіе свое Гиллель старался дѣлать доступнымъ всякому, въ томъ числѣ и язычникамъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, достаточно было требовать одного посвященія въ знаніе закона. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, и язычники охотно обращались къ Гиллелю за обученіемъ ихъ закону юдаизма. Въ числѣ новообращенныхъ были и такіе язычники, которые впослѣдствіи сдѣлались послѣдователями Гиллеля и способствовали развитію закона въ его духѣ, представляя собою лучшее оправданіе воззрѣнія Гиллеля, что одно изученіе закона совершенно достаточно для того чтобы сдѣлаться полнымъ гражданиномъ Іудеи. Его кротость въ обращеніи съ людьми, его терпѣливость въ ихъ выслушиваніи, его спокойный, объективный методъ обученія—привлекали къ нему всѣхъ тѣхъ язычниковъ, которыхъ отталкивалъ противникъ Гиллеля по направленію, Шамай, отличавшійся совершенно противоположными ему качествами—нетерпимостью, раздражительностію и вспыльчивостью. Если язычникъ желалъ узнать въ *одномъ об-*

щемъ принципѣ все ученіе юдаизма, Гиллель ему говорилъ: *„не дѣлай другому того, что тебѣ самому не любо" — вотъ принципъ, а все прочее лишь дальнѣйшее его развитіе, — ступай и распространяй это ученіе"*. Если язычникъ желалъ перейти въ іудейство подъ условіемъ изученія одного писаннаго закона, Гиллель посвящалъ его въ изученіе закона писаннаго, и самъ язычникъ, при изученіи этого закона, начиналъ сознавать необходимость изученія и закона устнаго.

Легенда приводитъ слѣдующіе примѣры: язычникъ разъ обратился къ Шамаю съ просьбою принять его въ іудейство, но предоставить ему вѣровать въ одинъ лишь письменный законъ. Шамай указалъ ему на порогъ. Когда же съ той же просьбою язычникъ обратился къ Гиллелю, послѣдній пригласилъ его приступить къ дѣлу, т. е. къ изученію письменнаго закона. Начали съ азбуки, которую Гиллель ему показывалъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. На другой день Гиллель сталъ ему показывать ту же азбуку въ обратномъ порядкѣ. Изумленный язычникъ воскликнулъ: „вчера ты меня обучалъ совершенно иначе!"—Видишь ли, возразилъ ему Гиллель, мое вчерашнее устное обученіе для тебя теперь все, на чемъ ты основываешься. Такое же значеніе имѣетъ и устная традиція, которая восполняетъ писанный законъ". Язычникъ увидѣлъ себя побѣжденнымъ и сталъ признавать устный законъ.

Путь нравственнаго убѣжденія, логическій методъ обученія и увѣренность въ собственныхъ силахъ были тѣми могучими орудіями, которыя почти всегда доставляли ему честь побѣды надъ внутреннимъ міромъ язычника.

Нравственная физіономія Гиллеля и его великое значеніе какъ реформатора въ іудействѣ хорошо выяснено Эдуардомъ фонъ Гартманомъ. Останавливаясь на ощутительныхъ недостаткахъ ортодоксальнаго фарисеизма, Гартманъ подчеркиваетъ особенно слѣдующіе недостатки: преимущество, которое отдается буквѣ закона предъ его

разумомъ; фанатически ревнивое охраненіе закона и безусловно ригористическое проведеніе его въ жизнь, затѣмъ устрашительное дѣйствіе этого направленія на прозелитовъ, затруднявшее распространеніе царства Божьяго.

Противъ этихъ недостатковъ, говоритъ Гартманъ, Гиллель направилъ свою реформаторскую дѣятельность въ первый вѣкъ до христіанской эры. Онъ стремился дать перевѣсъ духу закона надъ его буквою и, въ качествѣ президента синедріона, провелъ много реформъ въ правовыхъ предписаніяхъ пятикнижія, которыя противорѣчили измѣнившимся соціальнымъ условіямъ. Онъ поставилъ внутреннее настроеніе выше внѣшней дѣятельности и, какъ внутреннюю сущность юдаизма, онъ во главѣ своего ученія поставилъ такіе законы, которые должны были лечь въ основу нравственной жизни.

Другими словами, говоритъ Гартманъ, Гиллель настаивалъ на отысканіи благочестія въ той сферѣ внутренняго, религіознаго, нравственнаго сознанія, которою исключается всякая попытка къ ложному, ханжескому блеску. Онъ прежде всего настаивалъ на миролюбіи, кротости, мудрости и братскомъ согласіи, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ свѣтлый образъ, который, необыкновенно высокою степенью своего самообладанія и самоотверженія, напоминаетъ собою буддійскіе типы. Для того, чтобы сдѣлать еврейское царство Божіе болѣе всеобщимъ, онъ стремился, по возможности, облегчить прозелитамъ доступъ въ іудейство и раскрыть предъ ними существеннное зерно юдаизма въ содержаніи его единобожія и гумманизма. Позднѣйшее іудейство такъ высоко цѣнило его вліяніе, что наряду съ Эздрой поставило его какъ одного изъ выдающихся личностей эпохи послѣ вавилонскаго изгнанія. Образъ Гиллеля, по свидѣтельству Гартмана, становился средоточіемъ легендарнаго вѣнка, который имѣетъ цѣлію наглядно характеризировать и идеализировать его любвеобиліе, мягкость, его кротость, исполненное самообладанія миролюбіе, его доходящую до самоотвер-

женія покорность, его безкорыстіе, добродѣтельность, его вѣру въ Бога и сердечное благочестіе*).

Направленіе Гиллеля вызвало цѣлую школу послѣдователей, а, еще при жизни его, представитель противоположнаго направленія, Шамай, образовалъ также школу. Обѣ школы отличались другъ отъ друга по духу и методу толкованія закона. Школа Шамая стояла на почвѣ буквальнаго смысла закона, даже когда онъ расходился съ разумомъ и условіями жизни. Школа Гиллеля изучала древній законъ по духу и разуму его, основываясь на условіяхъ времени его возникновенія, на сопоставленіи различныхъ мѣстъ писанія, на логическомъ и историческомъ толкованіи закона. Школа Шамая тогда только дѣлала отступленіе отъ писаннаго закона, когда она имѣла къ тому основаніе въ положительно выраженной традиціи; школа же Гиллеля не стѣснялась отступленіями отъ писаннаго закона, разъ они оказались необходимыми въ силу народныхъ потребностей и разъ возможно было путемъ установленныхъ правилъ вывести изъ писаннаго закона заключеніе въ духѣ современныхъ потребностей и народной нравственности. Школа Шамая, напр., держась сохранившейся традиціи, что за сорокъ дней до рожденія на небесахъ опредѣляется брачная судьба человѣка,— утверждала, что узы брачной жизни освящены волею Бога, и допускала, поэтому, разводъ въ исключительныхъ только случаяхъ. Школа же Гиллеля расширила условія развода, доказывая, что цѣль закона заключается въ достиженіи разумныхъ цѣлей жизни и семейной нравственности, а потому ограниченія школы Шамая могутъ повести къ водворенію деморализаціи въ семейномъ быту. Условія современной семьи даютъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: которая изъ этихъ двухъ школъ угадала истинныя потребности брачной жизни: даже злѣйшіе враги евреевъ признаютъ чистоту нравовъ

*) Hartmann. Das religiöse Bewustsein. стр. 499—500.

семейной ихъ жизни, не смотря на расширеніе условій развода, или, правильнѣе, благодаря именно этимъ условіямъ.

Не задача настоящаго очерка — входить въ подробности, характеризующія направленіе обѣихъ школъ. Скажемъ только, что онѣ напоминаютъ собою существовавшія у римлянъ юридическія школы сабинянъ и прокульянцевъ, изъ которыхъ первая дѣйствовала въ духѣ Шамая, а послѣдняя въ духѣ Гиллеля. Основаніе и методъ толкованія—тѣ же, что и у еврейскихъ школъ, съ тою только разницею, что на мѣсто писаннаго закона евреевъ слѣдуетъ поставить законы XII таблицъ римлянъ. И римскіе юристы желали приводить въ связь старый законъ съ новыми потребностями жизни и для этой цѣли прибѣгали къ такимъ толкованіямъ древняго закона, которыя дали въ результатѣ остроумныя фикціи преторскаго права. И школа Гиллеля стремилась также къ сближенію писаннаго закона съ новыми условіями жизни и также создавала не менѣе остроумныя фикціи. Цѣль у тѣхъ и у другихъ была одна—поддержаніе авторитета древняго закона въ глазахъ народа, который, по своимъ воззрѣніямъ, чтилъ святость старины. Примиреніе народныхъ воззрѣній съ нарождавшимися потребностями жизни состоялось на почвѣ фикцій, вызванныхъ остроумнымъ толкованіемъ закона. Школа Гиллеля относилась съ такимъ уваженіемъ къ народнымъ воззрѣніямъ, что *народный обычай*, ставила на ряду съ традиціею

Въ первую эпоху своей дѣятельности обѣ школы, хотя и были противоположныхъ направленій, стремились, однако, къ одной истинѣ. Въ направленіи обѣихъ школъ одинаково сказалось, какъ утверждаетъ старинное преданіе, *живое слово Божіе*. Но впослѣдствіи, когда Іудея сдѣлалась римскою провинціею, когда надъ еврейской народностью нависла туча римскаго всеразрушенія и въ средѣ еврейскихъ партій образовалась партія народныхъ ревнителей, —направленіе школъ Шамая и Гиллеля принимаетъ болѣе стра-

стный характеръ. Школа Шамая пристаетъ къ партіи ревнителей, ея направленіе принимаетъ оттѣнокъ политическій и характеризуется также патріотическими увлеченіями въ духѣ анти-римскомъ. Школа же Гиллеля остается вѣрна великимъ принципамъ своего учителя, вдохновленнаго миролюбіемъ и истиною. Ставя эти начала выше другихъ, проникнутыхъ узко-національнымъ духомъ, школа Гиллеля стояла выше всякихъ увлеченій времени. *Послѣдователи ея не измѣняли идеѣ своего учителя, не искажали его направленія въ духѣ партій и не отступали отъ здравыхъ началъ его системы.* Этимъ они сослужили народную службу: въ то время, какъ страстность направленій и увлеченіе духомъ времени довели Іудею до совершеннаго разрушенія въ смыслѣ политическомъ, ученіе Гиллеля и его школы послужило оплотомъ противъ порабощенія народнаго духа. Оно удержало въ народѣ направленіе, по которому шло дальнѣйшее его развитіе, поддерживаемое не обояніемъ политическаго могущества и государственной власти, а жизненною силою началъ, положенныхъ въ основаніе народныхъ воззрѣній нравственнымъ авторитетомъ великаго учителя.

II.

Раби Акиба.

(Великомученикъ).

Вся жизнь раби Акибы, начиная отъ его пастушеско-любовной идилліи и кончая его мученическою смертью, исполнена такихъ замѣчательныхъ особенностей, такихъ богатыхъ поэзіею моментовъ, что невольно поддаешься вліянію того ореола величія, какимъ окружило его народное воззрѣніе. Изъ простого, бѣднаго пастуха, преисполненнаго ненависти къ ученому классу въ такой степени, что онъ, по собственнымъ словамъ, готовъ былъ бы ужалить кого бы то ни было изъ ученыхъ змѣинымъ ядомъ, Акиба подымается до недосягаемой высоты науки. Это доказываетъ, что онъ обладалъ выдающимися природными дарованіями, которыя могли бы въ немъ совершенно заглохнуть, если бы особая, быстро увлекающая своимъ потокомъ сила не вывела его изъ покойно-сладкаго созерцанія природы на широкій путь умственной и національно-политической жизни. Этою силою была любовь къ дочери его богатаго хозяина, женщинѣ, очевидно, вполнѣ его достойной. Увлекшись его красотою и прекрасными качествами, она отреклась отъ жизни, полной изобилія и роскоши, и рѣшилась замѣнить ее тяжелой обстановкой крайней нищеты лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы дорогой ей пастухъ отправился въ академію для изученія науки. Жертва съ ея стороны была слишкомъ велика, чтобы Акиба не подчинился ея волѣ. Онъ оставилъ ее нищую, брошенную отцомъ на произволъ судьбы, и, воодушевленный любовью къ этой женщинѣ, съ такимъ усердіемъ пре-

дался наукѣ, что успѣлъ не только самъ изучить ее, но и образовать многочисленный классъ учениковъ-послѣдователей. Какъ велика была радость возлюбленной Акибы, когда, по возвращеніи на родину, встрѣченный толпою, онъ сказалъ своимъ ученикамъ, не желавшимъ пропустить одну проталкивавшуюся сквозь народъ нищую: „Пропустите ее: если бы не она—ни я, ни вы не были бы тѣмъ, чѣмъ мы теперь". Эта нищая была жена знаменитаго ученаго, она ждала его съ трепетнымъ біеніемъ сердца, она сдѣлалась теперь богаче всѣхъ, и даже отецъ ея помирился съ ея положеніемъ, когда узналъ, что презрѣнный имъ пастухъ возвратился со славою великаго учителя. Легенда ничего болѣе не сохранила объ этой женщинѣ, но очевидно, что она отличалась несомнѣнными, прекрасными качествами, если она такъ долго и мучительно терпѣливо ждала мужа, отдавшись ему всецѣло и живя при такихъ условіяхъ нищеты, что ей приходилось продавать косы своихъ волосъ, чтобы добывать средства къ существованію. Очевидно, что Акиба всю жизнь преисполненъ былъ глубокой преданности къ своей женѣ и сдержалъ данное ей обѣщаніе подарить золотой Іерусалимъ. Онъ дѣйствительно подарилъ ей золотой медальонъ съ изображеніемъ Іерусалима,—медальонъ, которому позавидовала жена предсѣдателя синедріона и извѣстнаго своимъ богатствомъ р. Гамліеля. Очевидно также, что она раздѣляла впослѣдствіи его политическія убѣжденія, соглашаясь на геройски-рискованныя путешествія его, предпринимавшіяся имъ съ цѣлью поднять народъ противъ римлянъ и не удерживая его отъ прямаго вмѣшательства въ народное возстаніе. Такія женщины, проникнутыя глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ и раздѣляющія вмѣстѣ съ мужьями нравственныя убѣжденія, вытекающія изъ идеи общественнаго блага, достойны высокаго удивленія потомства. Я говорю „потомства" потому, что въ современномъ намъ поколѣніи очень рѣдко приходится встрѣ-

чаться съ такими женщинами, между тѣмъ какъ въ древнюю эпоху исторической жизни евреевъ женскіе идеалы еще были популярны, и не было надобности особенно гордиться ими, какъ это видно изъ того, что о такихъ женщинахъ, какъ жена Акибы и жена р. Меира, сохранились самыя скудныя свѣдѣнія.

Таково начало жизни Акибы, окрашенное розовыми надеждами любви и сладкими мечтами о наукѣ. Но въ позднѣйшій періодъ возмужалости она была омрачена тучами, нависшими надъ злополучною жизн'ю народа. Дѣятельность Акибы относится къ самому бурному періоду еврейской исторіи, когда грозный Римъ, въ лицѣ Адріана, рѣшилъ посягнуть на все, что составляетъ драгоцѣнное достояніе народа. Въ борьбѣ съ этимъ внѣшнимъ насиліемъ Акиба выработалъ въ себѣ твердое убѣжденіе въ необходимости создать нравственную опору народной самобытности, которую онъ видѣлъ съ одной стороны въ популяризаціи ученія и нравственныхъ идей, а съ другой—въ возбужденіи народнаго духа и подготовленіи его къ возможной политической борьбѣ. Во внутренней жизни евреевъ онъ встрѣтился также съ самыми разнообразными теченіями, которыя должны были придти къ равновѣсію. Въ его время наступила пора объединенія іудейскихъ школъ и необходимо было положить конецъ еще не закончившейся борьбѣ двухъ направленій—Шамая и Гиллеля. Рознь въ направленіяхъ очень вредно вліяла на развитіе народной жизни. Перевѣсъ, очевидно, клонился на сторону болѣе прогрессивнаго направленія—Гиллеля; но направленіе Шамая еще имѣло затаенныхъ приверженцевъ, которые въ школѣ, въ академіи открыто не выступали, но въ жизни нерѣдко давали иное практическое разрѣшеніе вопросамъ, поставленнымъ и проведеннымъ въ наукѣ совершенно въ иномъ смыслѣ. Все это производило смуты въ умахъ. Представитель синедріона Гамліель, отличаясь слишкомъ властолюбивымъ характеромъ и стремленіемъ къ подав-

ленію самостоятельности во взглядахъ представителей науки, не обладалъ, однако, достаточною энергіей въ умѣньи руководить академіею и относился различно къ ученымъ, смотря по тому, принадлежали-ли они къ богатому или бѣдному классу. Историкъ Вейсъ принимаетъ Гамліеля подъ свою защиту, доказывая, что его непомѣрно строгое отношеніе къ ученымъ обусловливалось его необыкновенною любовью къ народу и горячимъ желаніемъ положить конецъ внутренней розни. Дѣйствительно, Гамліель прислушивался къ современнымъ условіямъ жизни, заботился о народномъ благѣ, которому онъ посвящалъ много времени изслѣдованіемъ религіознаго и политическаго духа народа. Правда и то, что онъ относился примирительно къ общечеловѣческимъ идеямъ; что, съ цѣлью сохраненія въ чистотѣ имени Божія, онъ запрещалъ обманное похищеніе имущества не еврея; что онъ стремился всѣми силами сообщить направленію Гиллеля господствующій характеръ,—всѣ эти заслуги его совершенно вѣрны. При всемъ томъ, его образъ дѣйствій въ стѣнахъ академіи и синедріона, его честолюбивый характеръ и желаніе импонировать вредно дѣйствовали на успѣшность въ достиженіи цѣлей, имъ же предначертанныхъ. Фальшивое положеніе Гамліеля можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ не обладалъ такою эрудиціей, которая давала бы ему право на занятіе первостепенной должности. Всѣ законовѣды того времени далеко превосходили его своими познаніями, своею любовью къ народу и серьезнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Между тѣмъ, смотря на занятый постъ съ точки зрѣнія династической и опираясь на римскую власть и на свое богатство, Гамліель съ необычайнымъ высокомѣріемъ относился къ достоинству дѣйствительно первоклассныхъ ученыхъ. Этимъ онъ часто вызывалъ тайную злобу и протесты внѣ академіи, которые окончились тѣмъ, что его лишили главенства, и лишь послѣ того, какъ онъ испросилъ прощеніе у обиженныхъ, ему удалось вновь водвориться на прежней должности.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей академіи Гамліеля считался Акиба, который былъ далеко не хладнокровнымъ зрителемъ борьбы разнородныхъ элементовъ, не сдерживаемыхъ мощною рукою Гамліеля, подчасъ прибѣгавшаго къ изгнанію ученыхъ изъ среды академіи. Внутренняя борьба мнѣній и стремленій какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, въ эпоху Акибы, какъ видно, принимала не менѣе острый характеръ, чѣмъ борьба внѣшняя.

Но, кромѣ участія, которое Акиба принималъ и въ той, и въ другой борьбѣ, ему предстояла еще болѣе тяжелая борьба съ собственнымъ, внутреннимъ міромъ. Учителя, у которыхъ онъ слушалъ науку, принадлежали къ двумъ совершенно противоположнымъ направленіямъ. Одинъ, Гамзу, стоялъ на почвѣ толкованія догматики Галахи въ связи съ древнимъ библейскимъ закономъ. Другой—раби Эліэзеръ—на почвѣ чистѣйшей традиціи. Первый не могъ представлять себѣ закона, который не имѣлъ бы своего основанія въ библіи, а второй, напротивъ, не отыскивалъ никакого иного разума въ законѣ, кромѣ разума традиціи, устнаго преданія въ томъ видѣ, какъ оно доходило до законоучителя. Отличаясь исполинскою памятью, о которой говорили какъ о зацементированной цистернѣ, не пропускающей ни капли попавшей въ нее воды, раби Эліэзеръ утверждалъ, что все, что онъ выдаетъ за обязательное правило, есть результатъ дошедшей до него традиціи, не нуждающейся ни въ какихъ мотивахъ. Ученое высокомѣріе раби Эліезера могло бы сравниться развѣ съ тщеславнымъ высокомѣріемъ Гамліеля: оба ставили себя въ безапелляціонное положеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что истинная наука, основанная на разумѣ, не можетъ закоснѣть на неподлежащей критикѣ традиціи. И Акиба не могъ мириться съ такимъ всеразрѣшающимъ вопросы оракуломъ, не поддающимся ни пространству, ни времени. Устно переданное воззрѣніе, нашедшее свое начало Богъ вѣсть въ

какое отдаленное отъ насъ время и въ какой отдаленной отъ насъ странѣ, принимаетъ, по понятіямъ Эліэзера, характеръ законченной заповѣди, обязательной всюду и всегда. Между тѣмъ Акиба не могъ сдѣлаться такимъ безжизненнымъ теоретикомъ: онъ всею душою своею былъ преданъ живымъ интересамъ народа, благу котораго онъ посвятилъ лучшія свои силы. Ввести разнообразныя отношенія народной жизни въ окаменѣлыя формы традиціи значило для Акибы одно изъ двухъ: или задерживать развитіе народной жизни, принося ее въ жертву традиціи, или порвать всякую связь съ абсолютной традиціей, которая не въ силахъ будетъ преградить путь неудержимому потоку жизни. И то, и другое одинаково опасно. Облегченіе тягостей народной жизни есть безусловное правило всякаго разумнаго закона, а съ другой стороны, масса, въ которой глубоко коренится вѣрованіе въ откровеніе закона, всегда желаетъ думать, что новый законъ имѣетъ свое основаніе въ древнемъ обычаѣ или устномъ преданіи. Примиреніе этихъ двухъ началъ—требованій современности съ требованіями традиціи выпало на долю Акибы, и эту задачу онъ выполнилъ блестящимъ образомъ. Для Акибы стало ясно, что законъ долженъ получить свое основаніе или въ библіи, или въ традиціи, и онъ началъ связывать новое съ старымъ путемъ самаго широкаго толкованія буквы библейскаго закона и разума галахи. Логическіе пріемы Акибы имѣли такой блестящій успѣхъ, что всѣ удивлялись тому, какъ онъ умѣетъ громоздить галаху надъ галахой. Современная намъ молодежь полагаетъ, что работа Акибы была результатомъ схоластическихъ словопреній, чистоотвлеченнаго искусства давать отвѣты на всевозможные вопросы. Но, зная характеръ эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Акиба, можно придти къ несомнѣнному заключенію, что его методъ въ развитіи галахи обусловливается жизненностью самой задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ долженъ былъ дать отпоръ слишкомъ

отсталой идеѣ, выразителемъ которой было ученіе Эліезера. Послѣдній былъ шамаитомъ чистой крови и, благодаря его сильному авторитету и неумѣлымъ пріемамъ борьбы со стороны Гамліеля, идея его могла бы сдѣлаться господствующей и на вѣки похоронить законожизненность направленія гиллелитовъ. Здѣсь рѣчь шла не о схоластикѣ, не о превосходствѣ умственныхъ силъ на поприщѣ схоластической гимнастики, а о самомъ жгучемъ вопросѣ—быть или не быть одному изъ самыхъ цѣлесообразныхъ принциповъ, на которомъ строилось все направленіе Гиллеля. Акиба, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ гиллелитовъ, долженъ былъ вооружиться всею силою своего ума, призвать на помощь всѣ способности своей души, чтобы выступить противъ своего учителя непоборимою логикой толкованія галахи. Акибу сравнивали съ бодающимся на всѣ стороны буйволомъ противъ котораго никто устоять не можетъ: такова была сила его логики, противъ которой бороться было очень трудно. Акиба своимъ глубокимъ анализомъ и сравнительнымъ методомъ далъ самый крутой поворотъ направленію въ толкованіи галахи и придалъ ему такой рельефный оттѣнокъ, что съ Акибою галаха подымается на не привычную ей дотолѣ высоту. Одинъ только послѣдователь его—рабби Меиръ могъ поднять ее еще выше, но до Акибы она не отличалась такимъ высокимъ полетомъ. Когда Акиба находился внѣ академіи, и приходилось разрѣшать трудные вопросы, галахи говорили: „Галаха на улицѣ“, т. е. если пригласятъ Акибу въ академію, то онъ укажетъ путь къ истолкованію галахи. Легенда ставитъ Акибу на такой пьедесталъ, на который не удалось подняться ни одному изъ галахистовъ. Она разсказываетъ, что Господь Богъ проводитъ предъ Адамомъ поколѣніе за поколѣніемъ съ его учеными представителями. Адамъ не обращаетъ ни на одно изъ нихъ никакого вниманія, пока не появилось поколѣніе Акибы. На послѣднемъ остановилось вниманіе Адама, который

выразилъ Господу свое прискорбіе о смерти Акибы. Въ другомъ мѣстѣ легенда заставляетъ величайшаго изъ законодателей—Моисея выразить Господу Богу свое глубокое сожалѣніе о томъ, что Онъ не далъ евреямъ закона чрезъ Акибу, который гораздо выше его, Моисея. Даже ангелы, по словамъ легенды, завидуютъ ему и просятъ Бога удалить его отъ себя: но Господь отвѣчаетъ имъ: „Оставьте этого старика, онъ достоинъ наслаждаться лицезрѣніемъ Моей славы".Такимъ образомъ народное міросозерцаніе создало изъ Акибы такой идеалъ, который не былъ со временъ Адама, предъ которымъ блѣднѣетъ сила Моисея и которому завидуютъ безгрѣшные ангелы. Если народное преданіе сохранило объ Акибѣ такую замѣчательную характеристику силы его знанія закона, то очевидно, что его ученіе отличалось самымъ жизненнымъ направленіемъ и пустило въ народной жизни самые глубокіе корни. Народъ всегда относится чутко къ истиннымъ представителямъ его интересовъ и въ своихъ преданіяхъ отдаетъ должное великимъ своимъ учителямъ. Если въ легендѣ мало сохранилось преданій о другихъ сторонахъ дѣятельности Акибы, то это значитъ, что ученое направленіе его всего болѣе принесло пользу народу. Его политическая дѣятельность не окружена такимъ ореоломъ, какъ его дѣятельность ученая, хотя и здѣсь, и тамъ онъ стоялъ особнякомъ среди своихъ учителей и коллегъ.

Не менѣе великъ былъ Акиба и въ агадѣ. Отношеніе галахи къ агадѣ мы уже разъ опредѣлили такъ: въ галахѣ рѣчь идетъ о догматической части закона, все равно юридическаго или богословскаго; въ ней народное воззрѣніе на первомъ планѣ; въ ней жизнь съ ея практическими вопросами, съ ея неотложными требованіями получаетъ отвѣты; въ ней рѣчь идетъ о временной, земной правдѣ. Но есть нѣчто высшее житейскихъ вопросовъ дня; есть требованія человѣческой души, которыя ищутъ удовлетворенія съ неменьшею настойчивостью, чѣмъ не-

отложная человѣческая нужда; есть болѣе возвышенные вопросы, которые занимаютъ пытливый умъ человѣка и не даютъ ему покоя; есть болѣе возвышенныя идеи нравственности и правды, которыя увлекаютъ лучшихъ людей каждой эпохи по пути общечеловѣческаго прогресса. Всѣ эти вопросы перенесены были въ область агады. Въ ней талмудисты разрѣшали вопросы о мірозданіи, о высшемъ существѣ, о современномъ знаніи; въ ней обнаруживали глубокое остроуміе по вопросамъ общежитія и морали; въ ней проводили все, что должно было вести впередъ еврейство и приближать его къ лучшимъ идеаламъ будущаго. Тѣ самые талмудисты, которые въ галахѣ, согласно требованіямъ времени, поддерживали знамя закона, водрузили въ агадѣ совершенно иное знамя, на которомъ яркими красками выступали совершенно другія требованія и ставились совершенно другія задачи. Талмудисты подвергали свою собственную галаху критикѣ въ агадѣ. Въ галахѣ они устанавливали порядокъ, въ агадѣ они же его подрывали. Талмудисты были критиками своей собственной мысли и революціонерами своего же порядка. Народъ они поддерживали на уровнѣ его современнаго міросозерцанія, а въ школѣ и внѣ ея раздавался освѣжающимъ образомъ неумолкаемый голосъ агады, въ которой развивалось ученіе, исполненное новыхъ и лучшихъ вѣяній. Если галаха была дочерью земли, служительницею ея интересовъ, хранительницею духа времени,—то агада была дочерью небесъ, предвозвѣстницею лучшаго будущаго и живительною струею прогресса. Въ агадѣ сосредоточивается все, что было лучшаго въ еврействѣ, въ ней, какъ въ зеркалѣ, проходятъ всѣ лучшіе его идеалы, всѣ лучшія его чаянія и надежды.

Акиба во главѣ религіи ставитъ любовь къ Богу, но любовь, исполненную безстрашія и готовую на принесеніе ему въ жертву высшаго блага—самой жизни. Любовь къ высшей идеѣ разума и справедливости проникаетъ весь его внутренній міръ и составляетъ неотъемле-

мый принципъ жизни. Что это было не отвлеченная формула, а жизненная идея, доказывается всей жизнію Акибы, всею его неустрашимою, какъ мы увидимъ, дѣятельностью и самой его мученической смертью, которая доставила ему наслажденіе практическимъ выполненіемъ высшаго принципа своей жизни. За этимъ принципомъ идетъ другой, уже выставленный Гиллелемъ, принципъ любви къ ближнему, который и у него составляетъ верховный законъ общежитія. Но Акиба идетъ далѣе Гиллеля и влагаетъ въ этотъ принципъ новое содержаніе. Для него уже недостаточна отрицательная формула Гиллеля: не дѣлай другому того, что тебѣ самому не любо. Онъ требуетъ отъ людей, униженныхъ, оскорбленныхъ и опозоренныхъ, чтобы они не желали униженія, оскорбленія и опозоренія другимъ, онъ не желаетъ въ чужомъ несчастіи искать для себя утѣшенія. И такъ какъ это требованіе у него ничѣмъ не ограничивается, то, по его воззрѣніямъ, не слѣдуетъ желать ничего подобнаго даже врагамъ своимъ, даже своимъ угнетателямъ. Высшая любовь Бога къ человѣку выражается въ томъ, что Онъ создалъ его по своему образу и подобію; но еще глубже эта любовь Бога коренится въ томъ, что Богъ одарилъ человѣка сознаніемъ того, что онъ созданъ по образу и подобію Божію. Точно также по отношенію къ евреямъ Акиба считаетъ менѣе важнымъ откровеніе Божіе, чѣмъ сознаніе этого откровенія. Сознаніе, нравственная свобода являлись у Акибы отраженіемъ богоподобія. Самъ Богъ, въ противность мнѣніямъ другихъ, дѣйствуетъ не произвольно, а по законамъ разума и справедливости. Въ страданіяхъ людей онъ видитъ источникъ исправленія. Страданія у него—предвозвѣстники лучшаго. „Гдѣ зло близко, говоритъ Акиба, тамъ и добро уже не далеко.“ Въ величайшемъ несчастіи онъ шлетъ благословеніе Господу какъ справедливому судьѣ. Когда онъ съ другими законоучителями подъѣзжалъ къ Риму, куда они отправились ходатайствовать объ облегченіи участи евреевъ, и замѣтили

эту кипучую жизнь, шумъ и движеніе кругомъ, коллеги его впали въ уныніе; но Акиба не упалъ духомъ и въ утѣшеніе имъ сказалъ: „если Римъ пользуется такимъ величіемъ, то какое можетъ предстоять Іерусалиму"? На бѣдствія евреевъ онъ смотрѣлъ также какъ на искупленіе, ибо видѣлъ въ нихъ источникъ исправленія и приближенія къ спасенію. Раби Меиръ, его послѣдователь, глубже взглянулъ на страданіе человѣчества вообще, считая его страданіемъ самого Бога; но только взглядъ Акибы на страданіе, какъ на искупленіе, могъ дать его ученику матеріалъ для дальнѣйшаго развитія. Акиба даже находилъ, что страданія дѣлаютъ евреевъ болѣе симпатичными и образно выразилъ свою мысль такимъ образомъ: „страданія евреямъ къ лицу, какъ красный ошейникъ бѣлому коню". Украшеніемъ человѣка Акиба считалъ трудъ. Самая черная работа гораздо достойнѣе человѣка, чѣмъ праздность и протягиваніе руки. На бракъ Акиба смотрѣлъ какъ на святыню. Гдѣ мужъ и жена — тамъ и Богъ, говаривалъ онъ. При такомъ высоконравственномъ взглядѣ на бракъ, Акиба допускалъ болѣе широкія условія развода, чѣмъ другіе современные ему законовѣды. Нѣкоторые объясняютъ его отношеніе къ разводу тѣмъ, что онъ будто желалъ дать въ жизни отпоръ выробатывавшимся въ его время крайне стѣснительнымъ условіямъ развода и, какъ крайній націоналистъ, онъ будто желалъ пользоваться своимъ авторитетомъ, чтобы новыя идеи не получили распространенія на почвѣ юдаизма. Но это мнѣніе ошибочно. Мы видѣли, что уже Гиллель, жившій въ такое время, когда еще новыя идеи не были извѣстны, также допускалъ свободно разводъ, не имѣя надобности ни въ какомъ протестѣ. Слѣдуетъ думать, что Акиба, подобно Гиллелю и его школѣ, считалъ разводъ однимъ изъ условій, дающихъ возможность сохранить святость брачныхъ отношеній между супругами, такъ какъ они считали бракъ основаннымъ на любви, на началѣ жизненномъ, а не богословско-догматическомъ, ко-

тораго придерживалась школа Шамая. Это объясненіе естественнѣе и болѣе согласно съ истиною. Бракъ Акибы былъ основанъ на священномъ чувствѣ любви, и эта именно святость брачныхъ отношеній внушила ему мысль, что Богъ пребываетъ между супругами. Поэтому нельзя допустить, чтобы идея о разводѣ и его условіяхъ вытекла у Акибы изъ какихъ нибудь постороннихъ самому браку соображеній, а тѣмъ менѣе — изъ религіозно-національныхъ. Женщина въ глазахъ Акибы была существомъ высшимъ, вносящимъ счастіе въ семейную жизнь. Онъ ее ставилъ даже на очень высокую ступень, утверждая, что желающій имѣть богатое и долговѣчное потомство долженъ слушаться велѣній Господа и жены. При такомъ высокомъ взглядѣ на женщину и роль ея въ семьѣ, нельзя допустить и мысли, чтобы Акиба проповѣдывалъ разводъ во имя національно-религіознаго протеста. Напротивъ, считая женщину способною къ осуществленію семейныхъ идеаловъ, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что она можетъ выполнить свою задачу только при условіяхъ мирной семейной жизни, тѣсно связанной съ любовью, — а внѣ этихъ условій Акиба считалъ бракъ немыслимымъ и женщину — неспособною на жертвы, требуемыя во имя мира и любви. Акиба вынесъ свои взгляды изъ собственной семьи: у него была идеальная жена, которая доставила ему все и наполнила его семейную жизнь высшимъ нравственнымъ блаженствомъ. Справедливо поэтому говоритъ г. Горовицъ *), что не имѣлъ-ли Акиба въ виду своей собственной жены, когда ставилъ женщину на такой высокій пьедесталъ, и не думалъ-ли о локонахъ своей жены, отрѣзанныхъ и проданныхъ ею ради славы своего мужа, когда онъ настойчиво требовалъ отъ лица, обратившагося къ нему съ вопросомъ: можетъ-ли онъ уменьшить сумму обезпеченія жены — чтобы онъ удовлетворилъ ее сполна, говоря: „ты долженъ во что бы ни стало выдать ей всю

---

*) ר' עקיבה ומשפט האישות בישרון (Акиба и брачное право евреевъ. „Гашахаръ“, годъ 12, тетрадь 7, стр. 432.

сумму, хоть бы пришлось для этого продать локоны своихъ волосъ"! Святое чувство любви, посѣтившее сердце молодого пастуха, охватило весь его духовный организмъ, положило начало нравственному его перерожденію и развилось во всеобъемлющее чувство, не знающее различія между людьми: онъ перенесъ ее въ семью, перенесъ на собственный народъ, на язычниковъ, на все человѣчество, и въ старости не могъ освободиться отъ впечатлѣній молодости.

Къ язычникамъ Акиба относился съ полнымъ уваженіемъ. Во время знаменитаго путешествія своего онъ изучалъ нравы и обычаи язычниковъ, и все, что было у нихъ хорошаго, нравственнаго, достойнаго подражанія, ставилъ въ образецъ евреямъ. Въ легендѣ сохранились нѣкоторыя бесѣды римлянъ съ Акибой о провидѣніи и нравственности. Тиній Руфъ спрашиваетъ Акибу: „если Богъ вашъ любитъ бѣдныхъ, то почему онъ не заботится объ ихъ содержаніи"?—„Для того,—отвѣчаетъ Акиба—чтобы мы имѣли случай добрыми дѣлами освободиться отъ мукъ ада".—„Напротивъ,—говоритъ Тиній,—этими дѣлами вы на себя навлечете эти муки. Если царь исполненъ гнѣва на одного изъ своихъ рабовъ и ввергаетъ его въ темницу съ цѣлью заморить его голодомъ и жаждой, то не сдѣлается-ли достойнымъ наказанія тотъ, кто осмѣлится доставить ему пищу и питье!"—„Но, представь себѣ,—говоритъ Акиба,—что царь разгнѣвался на сына своего по поводу совершеннаго имъ проступка и заключаетъ его также въ темницу, оставляя его безъ пищи и питья. Накажетъ-ли онъ того, кто ему доставилъ пищу и питье съ цѣлью спасти его отъ мукъ голодной смерти? Конечно, нѣтъ! А люди—дѣти Божіи, ибо сказано: вы дѣти Предвѣчнаго Бога вашего."—Какою гуманностью дышетъ это воззрѣніе Акибы на людей какъ на дѣтей Божіихъ, которыхъ Онъ, правда, караетъ, но при этомъ тайно радуется облегченію ихъ участи. Язычникъ предлагаетъ Акибѣ вопросъ: „Я и ты знаемъ хорошо, что въ

идолахъ нѣтъ ничего чудотворнаго. Отчего же бываетъ, что люди, заходя въ ихъ храмъ больными, выходятъ оттуда здоровыми?"—„Если,—отвѣчаетъ Акиба,—время страданій отъ болѣзни какъ разъ прошло въ ту минуту, когда больной вошелъ въ храмъ, то Богъ, по твоему, долженъ помѣшать выздоровленію только потому, что больной вошелъ въ эту минуту въ языческій храмъ?"—Тиній спрашиваетъ Акибу: „Чѣмъ суббота отличается отъ другихъ дней недѣли, что вы избрали ее для отдохновенія?"—„Что отвѣтилъ бы ты,—спрашиваетъ Акиба,—если бы тебѣ предложили вопросъ: „чѣмъ ты лучше другихъ людей, что желаешь быть отличенъ отъ нихъ?"—„Мнѣ такъ слѣдуетъ,—возражаетъ Тиній,—ибо я пользуюсь благоволеніемъ императора".—„Точно также, какъ императоръ къ тебѣ, Богъ относится съ благоволеніемъ къ субботнему дню,"—заключилъ Акиба. Другой разъ тотъ же Тиній предложилъ Акибѣ вопросъ: „Чьи дѣла славнѣе—Бога или человѣка?" Акиба отвѣтилъ: „Дѣла человѣка!—„Какъ можно,—говоритъ Тиній,—можетъ-ли человѣкъ создать небо и землю?"—„Этого нѣтъ,—говоритъ Акиба,—но при всемъ томъ дѣла человѣка лучше. Смотри, вотъ здѣсь лежитъ хлѣбъ, а тамъ вотъ видишь силой Божіей растущіе колосья, наполненные зерномъ,—что изъ нихъ кажется тебѣ болѣе совершеннымъ: хлѣбъ, творенье человѣка, или колосья, творенье Божіе?"—„Конечно, первый,"—отвѣчаетъ Тиній и при этомъ продолжаетъ бесѣду:—„Почему вы совершаете надъ собою обрядъ обрѣзанія?"—„Видишь-ли—говоритъ Акиба,—какъ я заранѣе угадалъ, къ чему клонятся всѣ твои вопросы, и отвѣтилъ поэтому, что дѣла человѣка прекраснѣе".—„Почему же, однако, вы не родитесь въ такомъ видѣ, какъ теперь",—спрашиваетъ Тиній.—„Для того именно, — отвѣчаетъ Акиба, — чтобы усовершенствовать себя самостоятельно". Объ этомъ Тиніѣ-Руфѣ легенда разсказываетъ, что онъ разъ пришелъ домой чрезвычайно печальный и раздосадованный. На вопросъ жены объ этомъ онъ отвѣтилъ, что Акиба его кон-

фузить предъ императоромъ своими бесѣдами. Въ отместку за это жена Тинія взялась соблазнить Акибу, но дѣло окончилось тѣмъ, что она приняла еврейство и вышла замужъ за Акибу, который, по наитію свыше, предвидѣлъ это раньше во снѣ *). Насколько достовѣрна эта легенда, судить мы не беремся, но во всякомъ случаѣ она несомнѣнно доказываетъ, что Тиній былъ недоволенъ Акибой и его бесѣдами, которыя имѣли болѣе или менѣе публичный характеръ. Что въ это время были дѣйствительно религіозныя бесѣды между римлянами и евреями, доказывается тѣмъ, что въ первый періодъ христіанства не только цѣлыя римскія общины переходили въ еврейство, но и высшіе классы и даже придворныя особы. О бесѣдахъ современника Акибы Р. Гошуа съ высокопоставленной римлянкой также сохранилось нѣсколько преданій, которыя рисуютъ этого законовѣда, какъ пламеннаго оратора и искуснаго защитника евреевъ предъ римскимъ дворомъ. Не смотря на то, что Гошуа былъ некрасивъ на видъ, высокопоставленная римлянка, однако, любила съ нимъ бесѣдовать и часто удивлялась тому, какимъ образомъ такому некрасивому человѣку Богъ далъ столько ума. Въ отвѣтъ на это Р. Гошуа ей сказалъ: „вино для сохраненія держатъ не въ золотой, а въ деревянной посудинѣ, такъ и съ наукой: ее отдаютъ не красивымъ, а уродамъ“. Словомъ, бесѣды съ высокопоставленными римлянами были въ это время часты, и слѣдуетъ считать достовѣрнымъ, что Тиній-Руфъ часто велъ бесѣды съ Акибой, который могъ ставить перваго въ затруднительное положеніе.

Кромѣ религіи и нравственности Акиба еще отличался общими знаніями и былъ посвященъ въ ученіе греческихъ философовъ, противъ пантеизма которыхъ онъ протестовалъ своимъ ученіемъ **). Метафизика была однимъ изъ главныхъ предметовъ изученія Акибы. О немъ

*) סדר הדורות, ч II, стр. 256.

**) דרכי המשנה Система Мишны Франкеля 161.

говорятъ, что изъ числа трехъ законовѣдовъ, которые, наравнѣ съ нимъ, вошли въ „рай“ (наука о высшемъ существѣ), онъ одинъ только вышелъ оттуда цѣлъ и невредимъ. Какъ извѣстно, одинъ изъ его современниковъ, знаменитый учитель р. Меира, Элиша Бенъ-Абуя, извѣстный ахеръ (отступникъ), измѣнилъ еврейству, уцѣпился, какъ говоритъ легенда, въ самыя насажденія, которыя и вырвалъ съ корнемъ. Другіе два — помутились умомъ. Одинъ Акиба выдержалъ борьбу съ философіею и пользовался ею для укрѣпленія вѣры и разума во Израилѣ. Пользуясь общими своими знаніями для обновленія духа стараго закона, выдержавъ въ этомъ отношеніи тяжелую борьбу съ представителями стараго направленія, во главѣ котораго стоялъ его наставникъ Эліэзеръ со своимъ громаднымъ авторитетомъ, Акиба, съ другой стороны, не только не прерывалъ связи съ еврействомъ, но старался укрѣпить ее въ народѣ, не расходясь даже съ галахой, выводя новую изъ старой и связывая старую съ древнимъ, библейскимъ закономъ. Этому слѣдуетъ приписать то, что онъ въ глазахъ потомства сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ—Эліэзера, Тарфона, Ишмаэля, Іоси Галлилеянина и другихъ, пользовавшихся громаднымъ авторитетомъ, законовѣдовъ.

Акиба пользовался громкою извѣстностью въ средѣ не только евреевъ, но также и не-евреевъ. Отчасти это мы уже видѣли изъ бесѣдъ его съ Тиніемъ-Руфомъ. Но изъ исторіи его путешествія извѣстно, что многіе пользовались его пребываніемъ въ чужой странѣ и обращались къ нему, какъ къ великому ученому, за совѣтомъ. Между прочимъ, одинъ эѳіопскій царь обратился къ нему съ страннымъ вопросомъ: долженъ-ли онъ считать жену свою измѣнницею въ супружеской вѣрности въ виду того, что у него дѣти бѣлаго цвѣта. Нисколько не смутившись, Акиба просилъ у него позволенія осмотрѣть спальную. Послѣ произведеннаго осмотра Акиба успокаивалъ царя насчетъ невѣрности жены. „Изъ чего же ты это выводишь?“ —

спросилъ его эѳіопскій царь. — „Изъ того, — сказалъ Акиба,—что спальня уставлена бѣлыми мраморными статуями, которыя дѣйствуютъ на впечатлительность твоей жены“*). Царь былъ очень доволенъ отвѣтомъ Акибы, который уничтожилъ въ немъ мучительное чувство подозрѣнія жены въ невѣрности.

На поприщѣ практической общественной дѣятельности Акиба игралъ первенствующую роль. Хотя онъ утверждалъ, что наука важнѣе практики, но этотъ принципъ имъ былъ установленъ въ виду того, что, какъ онъ самъ говорилъ, наука неминуемо должна вести къ практической дѣятельности. На примѣрѣ Акибы можно провѣрить его принципъ. Утверждая, что наука выше практики, онъ, во имя этой теоріи, долженъ былъ оказывать помощь учащейся молодежи, на которую возлагалъ всѣ свои надежды. Товарищъ Акибы, р. Тарфонъ, разъ передалъ ему значительную сумму денегъ для покупки виноградника и другихъ земельныхъ участковъ, на доходы съ которыхъ можно было бы содержать и себя, и Акибу. Р. Тарфонъ хотѣлъ такимъ путемъ обезпечить себѣ и коллегѣ своему—Акибѣ беззаботное занятіе наукой. Акиба роздалъ всѣ деньги бѣднымъ молодымъ академистамъ и сказалъ Тарфону: „вотъ тѣ участки, которые я тебѣ купилъ“. Тарфонъ ничего не имѣлъ противъ этого. Для народа же онъ былъ общественнымъ благодѣтелемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Популярность его въ народѣ въ этомъ отношеніи была настолько велика, что онъ прослылъ „рукою бѣдняковъ“. Народное воззрѣніе приписываетъ Акибѣ случай, который характеризуетъ взглядъ его на общественную дѣятельность. Легенда разсказываетъ, что Акиба разъ встрѣтилъ на кладбищѣ человѣка голаго и чернаго какъ смоль, который былъ нагруженъ дровами и куда то торопился. Акиба его остановилъ и спрашиваетъ: „Что это за тяжелый трудъ? Если

---

*) ספורי ישרון Erzählungen Jechuruns 77. J. Morgolis.

ты рабъ, и господинъ твой жестокъ, я освобожу тебя, если ты бѣденъ, я помогу тебѣ".—„Прошу тебя не трогать меня, потому что поставленные надо мною еще разсердятся на меня, и хуже выйдетъ".—„Кто ты,—спрашиваетъ его Акиба,—и чѣмъ ты занимаешься?"—„Я мертвецъ,—былъ отвѣтъ, — и каждый день меня посылаютъ за дровами, на которыхъ меня сожигаютъ".—„Чѣмъ ты занимался въ семъ мірѣ?"—спрашиваетъ Акиба.—„Я былъ общественнымъ сборщикомъ налоговъ, относился снисходительно къ богачамъ и притѣснялъ бѣдняковъ". *)—Не касаясь дальнѣйшей участи бѣдняги на томъ свѣтѣ и тѣхъ мѣръ, которыя по словамъ легенды, Акиба предпринималъ здѣсь для спасенія его души и, какъ видно, не безцѣльно, слѣдуетъ, однако, вывести изъ всего этого разсказа одно, что Акиба считалъ тяжкимъ грѣхомъ нарушеніе общественнаго долга. Точно также, ставя знаніе закона выше всего, Акиба былъ убѣжденъ, что исполненіе его практически немыслимо безъ сознательнаго къ нему отношенія, которое превращаетъ законъ въ жизненный принципъ. Вотъ почему Акиба считалъ необходимымъ продолжать пропаганду изученія закона, несмотря на строгое воспрещеніе этого императорскими эдиктами. Ученіе, по мнѣнію Акибы, было тою жизненною сферою, внѣ которой ему казалась немыслима народная жизнь. Большою популярностью пользуется его разсказъ о лисицѣ и рыбѣ, послѣдовавшій въ отвѣтъ товарищамъ его, оспаривавшимъ этотъ взглядъ. Окруженная неводомъ, рыба барахтается въ водѣ, чтобы избѣгнуть сѣтей. Стоящая на берегу лисица заманиваетъ ее на берегъ, суля ей пріютъ и защиту. Но рыба даетъ ей слѣдующій отвѣтъ: „если въ водѣ, составляющей стихію нашей жизни, такъ жутко стало, то что будетъ съ нами, когда мы выберемся на сушу". Жизненная стихія евреевъ—это ихъ ученіе, а внѣ ея—ихъ гибель.

---

*) סדר הדורות.

При этихъ качествахъ Акиба отличался чрезвычайною скромностью. Уже тогда, когда всѣ стали признавать его авторитетъ, онъ продолжалъ утвержать, что такихъ Акибъ, какъ онъ, на улицѣ много. Онъ не гнушался услуживать своимъ ученикамъ во время болѣзни ихъ, считая это священною обязанностью своею. Какая рѣзкая разница между этою скромностью Акибы и высокомѣріемъ Гамліеля, который лишь послѣ удаленія отъ должности президента отправился къ законовѣду Гошуа и тутъ только узналъ о крайней бѣдности выдающагося ученаго, будучи пораженъ тѣснотою его квартиры и тѣмъ, что стѣны ея были покрыты копотью здѣсь же помѣщавшейся кузнечной мастерской! Акибѣ не приходилось услышать изъ устъ своихъ учениковъ то, что Гошуа тогда сказалъ Гамліэлю: „горе Израилю, когда у него такіе представители, какъ ты!“ И въ самомъ дѣлѣ, быть знакомымъ съ замѣчательнымъ ученымъ своего времени и, при своемъ богатствѣ, ни разу не полюбопытствовать узнать объ участи его, – такое поведеніе вполнѣ заслуживаетъ упрека, сдѣланнаго Гамліелю Гошуа. Акиба же первый являлся на помощь своимъ ученикамъ, предупреждая ихъ нужду и лично помогая имъ въ случаѣ безпомощности, исполняя даже черныя работы.

Скромность Акибы была причиною того, что онъ не сразу выдвинулся въ академіи. Среди академиковъ и академистовъ Акиба стоялъ особнякомъ: съ одной стороны онъ вышелъ изъ самой низшей сферы народа, не былъ родовитымъ ученымъ, а съ другой находился въ крайней бѣдности. Кромѣ того, онъ по отцу былъ язычникъ. Другіе же современные ему ученые были изъ аристократическаго рода, или богачи. Отсюда пренебрежительное къ нему отношеніе, отсюда и колкости, которыми стали преслѣдовать его, когда начали замѣчать силу его ума. Въ особенности свысока относился къ нему учитель его Эліэзеръ. Мало по малу Акиба сталъ выказывать все болѣе превосходство своего ума: дошло разъ до того, что самъ

Эліэзеръ былъ поставленъ въ тупикъ своимъ ученикомъ, который блестящей діалектикою и еще болѣе основательными доводами довелъ своего учителя до молчанія. Точно также и товарищи, которые прежде иронически отвѣчали на его методъ толкованія закона, впослѣдствіи перешли на его сторону и даже находили, что, слушая его, они черпаютъ познанія изъ живого источника. Такимъ образомъ, не смѣлостью, не происхожденіемъ, не состояніемъ; а единственно познаніями и умственными силами Акиба выдвинулся среди своихъ современниковъ и затмилъ ихъ своимъ величіемъ. Только скромность препятствовала ему проявить свои силы раньше, и она была не менѣе величава, чѣмъ его умъ и его критическій анализъ галахи. Сходился онъ болѣе всего съ р. Тарфономъ, который ему все довѣрялъ, и съ нимъ онъ часто бесѣдовалъ о томъ, что если бы онъ засѣдалъ въ іерусалимскомъ синедріонѣ, то не было бы ни одного случая смертной казни. Протестъ Акибы противъ смертной казни вытекаетъ изъ его ученія о богоподобіи человѣка. Въ устахъ Акибы, протестъ этотъ, по справедливому замѣчанію Франкля, не былъ такимъ теоретическимъ началомъ, какимъ онъ могъ быть у Тарфона *)· Акиба собирался разгромить Римъ и вновь создать самостоятельное государство, слѣдовательно, онъ думалъ свой принципъ провести въ жизнь.

Такимъ образомъ, Акиба былъ настолько же замѣчательнымъ галахистомъ, насколько и извѣстнымъ агадистомъ. Въ галахѣ онъ проводитъ новую дорогу. Хотя уже и раньше Гиллель, а во время Акибы учитель его Гамзу дали первый толчокъ галахѣ и даже указали способъ толкованія закона и развитія галахи, но Акиба сдѣлался истиннымъ ея выразителемъ, онъ обосновалъ ее, оживотворилъ и привелъ въ систему. Онъ первый группировалъ ея матеріалъ по отдѣльнымъ предметамъ, и сборникъ его галахи извѣстенъ подъ названіемъ „мишны

---

*) דרכי המשנה стр. 118.

р. Акибы". Его опытъ, по всей вѣроятности, служилъ образцомъ для дальнѣйшихъ сборниковъ галахи также подъ названіемъ мишны. Акиба далъ галахѣ свой методъ и свою систему и такъ укрѣпилъ ее, что о ходѣ назадъ не могло уже быть никакой рѣчи, а оставалось только заботиться о дальнѣйшемъ ея развитіи. Въ агадѣ, какъ мы видѣли, онъ тоже выдвинулся. Такимъ образомъ, онъ былъ единственнымъ счастливцемъ, который, изъ области высшаго знанія могъ вернуться нетронутымъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. И въ этой сферѣ извѣстны такъ называемыя „буквы р. Акибы" въ которыхъ трактуется о величіи Божіемъ, твореніи и воскресеніи, о сотвореніи земного и небеснаго міра и объ ихъ разрушеніи, о благодѣяніяхъ Божіихъ, о возвышеніи бѣдныхъ, о будущемъ твореніи, о совокупности буквъ Божьяго имени, переданныхъ въ откровеніи Моисею, о многихъ ключахъ, которыхъ Богъ не довѣряетъ ни одному ангелу, о раскаяніи, о Іерусалимѣ и воскресеніи, о наградахъ въ будущемъ мірѣ, о радостяхъ благочестивыхъ въ раю, о человѣческихъ органахъ, о пѣснопѣніи буквъ предъ Всевышнимъ и возвышеніи ихъ до Его короны, о душѣ, о страданіяхъ грѣшниковъ послѣ смерти, объ адѣ, Іерусалимѣ, храмѣ и Св. Писаніи, о величіи Священнаго Писанія, о сотвореніи органовъ человѣческаго тѣла для прославленія Господа, о языкѣ человѣческомъ, о раѣ, показанномъ Богомъ Моисею, о миссіи Моисея, о поколѣніи во времена потопа и о смятеніи при Вавилонскомъ столпотвореніи, о наказаніяхъ безбожниковъ въ аду, о страстяхъ и смерти человѣка *). При чтеніи всего, что говорится Акибой, надобно имѣть въ виду не буквальный смыслъ изложеннаго, а внутренній, сокровенный, и главнѣе всего — цѣль. Такъ, въ галахѣ, которая служитъ земнымъ цѣлямъ, Акиба, имѣя въ виду облегченіе народу

*) Talmud Babli, „Berachot". von d-r E. M. Pinner. Berlin 1842. Einleitung in den Talmud. 13

условій современной жизни, или связь новаго закона съ древнимъ, прибѣгаетъ часто къ такого рода объясненіямъ и развитію одной галахи изъ другой, или изъ разныхъ буквъ Св. Писанія, которыя носятъ на себѣ явные слѣды фикціи, при помощи которой достигаются благопріятные результаты. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью къ ученію его въ агадѣ, посвященной неземнымъ интересамъ, гдѣ ученый имѣетъ въ особенности въ виду скрывать свою мысль отъ людей, коимъ метафизика недоступна, и говоритъ поэтому намеками, ссылаясь сжато на указанія, смыслъ которыхъ понятенъ однимъ спеціалистамъ. Укажемъ, напр., на слѣдующее. Акиба утверждаетъ, что въ Пѣснѣ Пѣсней Соломона рѣчь идетъ о любви Іеговы къ своему народу, и, согласно съ этимъ основнымъ указаніемъ, всѣмъ понятіямъ и выраженіямъ этой эротической пѣсни дается совершенно не то значеніе, какое они имѣютъ въ устахъ возлюбленнаго. Такое примѣненіе идеи о любви Бога къ народу можетъ показаться немного страннымъ въ устахъ ученаго. Но дѣло разъяснится, когда будетъ указано, въ какое время и по какому поводу высказанъ былъ этотъ взглядъ Акибой. Рѣчь шла о томъ, что Пѣсню Пѣсней слѣдуетъ признать книгой апокрафической, подлежащей зарытію, а не причисленію къ книгамъ библейскимъ. Такая книга, которая толкуетъ о любви человѣческой, и еще въ такой эротической формѣ, не могла считаться внушенною духомъ Божіимъ, наравнѣ съ книгами Откровенія. Такому рѣдкому поэтическому произведенію, такому восхитительному и по формѣ изящному языку, на которомъ она написана, угрожала опасность потери, исчезновенія изъ національнаго литературнаго сборника. Кто же долженъ былъ заступиться за причисленіе Пѣсни Пѣсней къ листамъ Библіи, какъ не Акиба, испытавшій на себѣ очаровательное дѣйствіе любви своей возлюбленной Рахили, которая, какъ дочь небесъ, сошла на землю, чтобы согрѣть его душу неземнымъ огнемъ и воспламенить его

какъ совершенно переродившагося, ко всему хорошему и великому? Развѣ онъ не зналъ, что глубокая, проникающая весь тѣлесный и духовный организмъ любовь есть такое же наитіе свыше, какъ всякое другое, осѣняющее человѣка возвышенное чувство, и способна подвигнуть его на все великое и прекрасное не менѣе божественнаго закона и правилъ нравственности? И вотъ Акиба заступился за литературное произведеніе, которое было вѣрнымъ отраженіемъ его собственной любящей души, и заступился по своему, т. е. прилагая свой методъ, столь спасительный для достиженія добрыхъ цѣлей. Онъ нашелъ благотворную фикцію, которая устранила споръ, онъ нашелъ, что въ этомъ литературномъ произведеніи передаются чувства не любви мужчины къ женщинѣ, а Бога къ израильской общинѣ, и этимъ способомъ воскресилъ книгу, надъ которою собирались уже совершить похороны. Каждый изъ насъ проститъ доброму, любящему Акибѣ эту хитроумную фикцію, благодаря которой человѣчество сохранило одно изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній, не имѣющее себѣ равнаго въ другихъ литературахъ по прелести естественнаго до наивности выраженія любви, по изяществу формы и неподражаемости языка, дышащаго такою-же любовью, какою дышитъ самъ пѣвецъ роскошной идилліи. Отсюда видно, что внутренній смыслъ положеній, помощью которыхъ Акиба проводитъ ту или другую идею, слѣдуетъ отыскивать не въ буквѣ ихъ, а въ существѣ условій того времени.

Мы выяснили, насколько это было необходимо для цѣлей нашего очерка, положеніе Акибы, какъ ученаго законовѣда и общественнаго дѣятеля въ сферѣ внутренней жизни евреевъ. Но онъ выдвигается среди своихъ современниковъ еще крупною чертою, которая одна могла бы увѣковѣчить его память, независимо отъ его теоретическихъ познаній и практической дѣятельности. Акиба былъ народникомъ до мозга костей: онъ мечталъ не объ одномъ

только поднятіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго уровня своего народа, онъ хотѣлъ создать для него нѣчто высшее, нѣчто недостижимое по условіямъ того времени. Онъ желалъ пошатнуть римскій колоссъ и доставитьсвоему народу политическую независимость. Освобожденіе отъ римскаго ига рисовалосьему въ самыхъ яркихъ краскахъ, какъ лучшій вѣнецъ его дѣятельности, и если въ развитіи закона онъ, по воззрѣніямъ современниковъ, шелъ далѣе Моисея, то развитіемъ политическаго духа народа и сверженіемъ ненавистнаго ига Рима онъ думалъ оказать народу услугу еще существеннѣе оказанной ему Моисеемъ посредствомъ освобожденія отъ египетскаго гнета. Если въ Египтѣ въ кабалѣ была плоть народа, стонавшаго подъ тяжкимъ трудомъ, то въ Римѣ замыслили угнетеніе духа его, подавленіе нравственныхъ началъ юдаизма. Для достиженія такой широкой задачи Акибѣ необходимо было предпринять цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ, необходимо было достаточно подготовить почву. Акиба чутьемъ угадалъ народное сознаніе и заранѣе зналъ, что найдетъ откликъ въ тайникѣ народныхъ чувствъ. Но въ средѣ ученыхъ мысль эта представлялась крайне опасною. Миролюбивый Гошуа былъ того мнѣнія, что надобно благодарить Бога за то, что очутившись въ пасти Рима, народъ вышелъ оттуда неповрежденнымъ. Этому Гошуа преданіе приписываетъ басню о волкѣ, который обѣщалъ большое вознагражденіе тому, кто вытащитъ засѣвшую у него въ горлѣ кость и предоставилъ, однако, цаплѣ, исполнившей этотъ трудъ, довольствоваться тѣмъ, что она не осталась въ его пасти и могла убраться по добру, по здорову. Другой ученый, Эліэзеръ, учителъ Акибы, предварилъ его, что онъ умретъ неестественною смертію. Это не было, какъ думаютъ многіе, выраженіемъ недоброжелательства Еліэзера Акибѣ за допущеніе этимъ послѣднимъ изгнанія его изъ академіи. Слова эти были сказаны предъ смертію Эліэзера, а потому они имѣютъ скорѣе характеръ наставленія, ко-

торое и приличествуетъ учителю. Эліэзеръ намекаетъ Акибѣ на то, что его предпріятіе опасное, рискованное, и, зная средства, къ которымъ прибѣгаетъ Римъ въ такихъ случаяхъ, Эліэзеръ вовсе не нуждался въ духѣ пророчества, чтобы предсказать, при такихъ обстоятельствахъ, смертную казнь Акибѣ. Другіе современники ему говорили, что скорѣе ланиты его поростутъ травой, чѣмъ наступитъ царство Мессіи. Этотъ страхъ за послѣдствія возмущенія, который высказывался намеками ученыхъ современниковъ, удерживалъ Акибу отъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи. Въ особенности-же Акиба стѣснялся приступить къ дѣлу при жизни Гошуа, который часто защищалъ евреевъ при дворѣ римскомъ, гдѣ удовлетворялись его ходатайства объ облегченіи судьбы его единовѣрцевъ. Но лишь Гошуа закрылъ глаза, какъ Акиба взялся за дѣло. Теперь, правда устами другихъ, Акиба начинаетъ разсказывать о фактахъ, которые возбуждаютъ надежду на возобновленіе политической жизни. Онъ разсказываетъ, что одинъ ученый встрѣтился съ потомкомъ извѣстнаго семейства, котораго спеціальность заключалась въ приготовленіи курительныхъ травъ для еврейскаго храма. Никакіе иностранцы-спеціалисты не въ состояніи были конкуррировать съ нимъ на этомъ поприщѣ и въ особенности въ искусствѣ приготовлять травы, дымъ которыхъ подымался-бы ровно, столбомъ вверхъ, не раздуваясь въ разныя стороны. Гуляя съ этимъ потомкомъ спеціалистомъ по лугу, ученый замѣтилъ на лицѣ его и слезы, и улыбку.—Что это означаетъ, спрашиваетъ ученый?—Я замѣтилъ на лугу, говоритъ потомокъ, одну изъ тѣхъ травъ, которыми предки мои пользовались для приготовленія куренія въ храмѣ. Отъ этой травки дымъ идетъ вверхъ столбомъ. Вотъ почему у меня показались слезы (т. е. выраженіе печали о разрушеніи храма). Улыбка-же показалась отъ того, что, по всей вѣроятности, скоро вновь придется заняться этимъ дѣломъ (т. е. скоро можно

надѣяться на возобновленіе храма*). Такой разсказъ въ устахъ Акибы, скрывающій, правда, въ намекѣ его чаяніе на будущее, съ одной стороны служитъ выраженіемъ испытанія народныхъ чувствъ, а съ другой возбуждаетъ общественную мысль и надежду народа на освобожденіе отъ ига. Идя вначалѣ ощупью, намеками, съ цѣлію изучить настроеніе народа, и, убѣдившись, что оно благопріятствуетъ его затаенному стремленію, Акиба въ дальнѣйшей своей дѣятельности долженъ былъ скрывать свои мысли не отъ своего народа, а отъ римскихъ шпіоновъ, отъ римскаго намѣстника въ Іудеѣ—Тинія Руфа, долженъ былъ вести себя такъ осторожно, чтобы своимъ поведеніемъ не давать ни малѣйшаго повода предупредить возстаніе. Для этой цѣли онъ предпринимаетъ далекое путешествіе и всюду самымъ осторожнымъ образомъ подготовляетъ народъ пламенными рѣчами и проповѣдями. Уже одинъ выборъ сюжета для проповѣди въ Ганзакѣ о страданіяхъ Іова указываетъ на цѣль ея. Въ страданіяхъ Іова онъ видѣлъ страданія своего народа, а въ излеченіи его отъ язвъ и полученномъ вознагражденіи за муки—надежду народа на свѣтлое будущее. Ораторское дарованіе Акибы по всей вѣроятности выставляло очень наглядно жгучее положеніе народа подъ римскою властію, а великій авторитетъ Акибы въ глазахъ народа былъ лучшимъ ручательствомъ того, что задуманный имъ планъ будетъ выполненъ успѣшно. Должно быть, Акиба собиралъ и значительныя средства, которыя понадобились для такого серьезнаго дѣла. Двадцать четыре тысячи учениковъ, которые ему приписываются, были, очевидно, не одними слушателями его аудиторіи, а скорѣе его союзниками въ народномъ дѣлѣ, которые агитировали вмѣстѣ съ нимъ и дѣйствовали по одному плану. Не было по силамъ одного человѣка, хотя бы и самаго даровитаго, устроить такую сложную пропаганду и такую

*) עין часть 2 стр. 104.

систематическую организацію возстанія: оказалось, что въ теченіе опредѣленнаго времени приготовили оружіе, сдѣланы были запасы провіанта, евреи собирались въ различныхъ подземельяхъ и складывали тамъ все, что необходимо было для войны. Въ теченіе всего этого времени шла дѣятельная и глухая работа, которая изумила затѣмъ весь римскій міръ. Недоставало только предводителя, который принялъ бы въ свои руки все дѣло войны, войны противъ римскихъ легіоновъ и испытанныхъ въ бою полководцевъ. Но онъ явился какъ deus ex machina, сильный и могучій, увѣренный въ своихъ силахъ и фанатикъ своего дѣла Это былъ Баръ-Кохва, герой, которому народная фантазія приписываетъ неимовѣрную силу: о немъ говорятъ, что онъ мощнымъ колѣномъ отбрасывалъ назадъ метательные камни римскаго войска. Отъ каждаго, вступавшаго въ еврейскій военный лагерь, Баръ-Кохва требовалъ отсѣченія пальца руки, какъ выраженія храбрости. Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ добровольцы, готовые лечь костьми за вѣру и отечество. Энтузіазмъ былъ всеобщій. Даже самаритяне, постоянные враги евреевъ, стали подъ знамя Баръ-Кохвы. Акиба, этотъ юный старецъ, увлекавшійся своею мечтою, далъ Баръ-Кохвѣ свое благословеніе и не стыдился сдѣлаться его оруженосцемъ. Такой шагъ со стороны преданнѣйшаго народу друга, со стороны лица, выше котораго по авторитету не было у евреевъ, поднялъ Баръ-Кохву на такую высоту, что народная вѣра въ него, въ его силы, стала рости необычайно. Такимъ образомъ, увѣренность Баръ Кохвы въ своихъ собственныхъ силахъ, бодрость его духа, благодаря нравственному авторитету Акибы и привязанности къ нему народа, придавали ему неослабную энергію для начатія борьбы. Тиній Руфъ — намѣстникъ Іудеи — былъ ошеломленъ первыми натисками Баръ-Кохвы, которые оказались совершенно неожиданными. Онъ ничего не могъ сдѣлать противъ 400,000 й. арміи Баръ-Кохвы, въ которой какъ будто ожилъ духъ.

Маккавеевъ. Неудивительно, что Тиній Руфъ терялъ битву за битвой. А между тѣмъ, Адріанъ считалъ его войско совершенно достаточнымъ для того, чтобы справиться съ ничтожною Іудеей—и когда до императора дошли первыя свѣдѣнія о возстаніи, онъ не придалъ ему никакого значенія. Баръ-Кохва же шелъ къ цѣли вѣрно, отбирая крѣпость за крѣпостью, городъ за городомъ. Для Рима война становилась все болѣе и болѣе серьезною. Болѣе 50 крѣпостей и около 1,000 городовъ находилось уже въ власти Баръ-Кохвы. Въ теченіе короткаго времени успѣхъ оружія не оставлялъ его; лучшіе римскіе полководцы, посланные на помощь Тинію Руфу, очищали предъ нимъ поле сраженія. Слава Баръ-Кохвы росла, и онъ, воспользовавшись ею, провозгласилъ себя царемъ и, въ память побѣдъ надъ римлянами, отчеканилъ монеты съ изображеніемъ на ней символовъ еврейской народности. Въ рукахъ его находились уже Іудея, Самарія, Галлилея. Злобный Римъ началъ задумываться, Адріанъ сталъ принимать самыя серьезныя мѣры, чтобы положить конецъ побѣдоносной славѣ евреевъ, которая стала возбуждать умы римлянъ. Пришлось отозвать изъ Британіи опытнѣйшаго полководца, Юлія Севера. Подкрѣпленный войсками, онъ прибылъ въ Іудею, но не рѣшался дать битву Баръ-Кохвѣ. Онъ принялъ другую тактику: отрѣзавъ Баръ-Кохвѣ путь къ полученію продовольствія, такимъ способомъ ослабить его войско и затѣмъ смять его своею конницею, въ которой у евреевъ былъ недостатокъ. Этотъ планъ удался Юлію Северу, и, оттѣснивъ Баръ-Кохву отъ пограничныхъ городовъ, онъ заставилъ его сосредоточиться въ Бетарѣ. Осада этой крѣпости, при помощи того же плана Юлія Севера, продолжалась цѣлый годъ. Римскій полководецъ уже думалъ удалиться оттуда во свояси, считая дальнѣйшую осаду безуспѣшной,—какъ на помощь ему явились самаритяне, которые, измѣнивъ евреямъ, указали римлянамъ на подземныя галлереи, ведущія въ Бетаръ. Римское войско измѣннически ворва-

лось этимъ путемъ въ крѣпость и произвело такую безпощадную рѣзню, которая по жестокости своей превышаетъ всякое вѣроятіе. Историкъ Грецъ описываетъ ее такъ: „Кровь лилась рѣкою въ море на разстояніи около мили, унося съ собою на пути тяжелые камни. 300 дѣтскихъ череповъ найдены размозженными на одномъ утесѣ, а изъ всей молодежи, бывшей въ Бетарѣ, одинъ только сынъ патріарха спасся отъ смерти. Жены убитыхъ не могли ссылаться ни на одного живого мужчину, какъ на свидѣтеля, который могъ бы предъ судомъ удостовѣрить смерть ихъ мужей. Едва-ли можно повѣрить страшному числу убитыхъ въ Баръ-Кохвійской войнѣ, а между тѣмъ, число это подтверждается какъ еврейскими, такъ и греческими историками. Не свободный отъ извѣстнаго внушенія, греческій историкъ (Dio Cassius) говоритъ, что, кромѣ погибшихъ отъ голода и пламени, на войнѣ пало свыше полумилліона людей“. Преданіе разсказываетъ, что виноградникъ Адріана, занимавшій 324 квадратныхъ мили, былъ огороженъ, вмѣсто частоколовъ, человѣческими трупами, поставленными вертикально, съ распростертыми руками, погребеніе которыхъ было строжайшимъ образомъ запрещено. Многіе бѣжали въ подземелья, гдѣ продолжали оставаться довольно долго, опасаясь встрѣчи съ римскими войсками и питаясь мясомъ отъ человѣческихъ труповъ.

Разъ, услышавъ въ подземельи шумъ отъ стука сандалій, отдававшійся эхомъ въ сводахъ его, и думая, что это римское войско ворвалось съ цѣлію нападенія, несчастные въ тѣсныхъ галлереяхъ, въ стремительномъ бѣгствѣ тысячами, смяли другъ друга на смерть,—а между тѣмъ оказалось, что это была партія такихъ же несчастныхъ бѣглецовъ, какъ они сами, которые желали укрыться отъ непріятеля.

Таковъ былъ конецъ этой смѣлой попытки Акибы къ возстановленію самобытности народа,—конецъ печальный, но не предвидѣнный. Акиба смѣло могъ разсчиты-

вать на успѣхъ, какъ видно изъ того, что 3½ года продолжалась народная война, а въ первые 2½ года судьба въ такой степени стала улыбаться Баръ-Кохвѣ, что смѣло можно было думать, что дальнѣйшій успѣхъ обезпеченъ. Случайности измѣны со стороны самаритянъ нельзя было и предвидѣть, а не будь ея, Юлій Северъ, быть можетъ, оставилъ бы Іудею въ покоѣ, и царство Баръ-Кохвы могло бы укрѣпиться и дать начало новой политической жизни евреевъ. Что эта война соединена была съ значительными потерями для римлянъ, видно изъ того, что Адріанъ, при извѣщеніи Сената о результатѣ войны, не употребилъ обычной формулы: „я и войско находимся въ добромъ здравіи", и что Сенатъ не установилъ въ честь императора никакого торжества по поводу еврейской войны, а ограничился чеканкою въ память ея монеты съ надписью: „exercitus judaicus"*).

Эти ужасы баръ-кохвійской войны были только началомъ дальнѣйшихъ жестокихъ преслѣдованій. Въ Римѣ, благодаря внушеніямъ нѣкоторыхъ отступниковъ еврейства, пришли къ заключенію, что, для окончательнаго искорененія всякой мысли о возмущеніи, необходимо запретить исполненіе религіозныхъ обрядовъ, занятіе изученіемъ закона, преподаваніе въ школахъ, рукоположеніе молодыхъ академистовъ и т. п. Грозный Римъ, однако, не разсчиталъ, что такое неслыханное посягательство на народную вѣру встрѣтитъ отпоръ со стороны, правда, немногочисленныхъ, но закаленныхъ въ борьбѣ законоучителей. Гоненіе на вѣру вызываетъ сильную, фанатическую къ ней привязанность и развиваетъ готовность къ самоотверженной борьбѣ за ея сохраненіе Это и случилось въ Іудеѣ послѣ обнародованія Адріановыхъ эдиктовъ. Несмотря на пытки и смертную казнь, угрожавшія за нарушеніе закона, обряды исполнялись тайкомъ, ученіе закона преподавалось на чердакахъ, въ ущельяхъ

*) Graetz. Geschicte der Juden. IV, 164 стр.

ь и всюду, гдѣ только возможно было укрыться отъ
совыхъ глазъ римскихъ шпіоновъ. Жестокости, ко-
ыя присоединялись къ смертной казни, какъ напр.
ожженіе груди приговореннаго къ сожженію мокрою
ой для того, чтобы огонь горѣлъ медленнѣе, и т. п.
же не въ состояніи были удержать въ силѣ непри-
новенность эдиктовъ. Преданіе говоритъ, что одинъ
законовѣдовъ, осужденный на казнь сожженіемъ, не
ѣлъ принять предложенія римскаго палача о снятіи
ы на томъ основаніи, что, облегчая такимъ путемъ
нь, онъ этимъ самымъ будто бы способствуетъ въ нѣ-
орой степени самоубійству, которое считается тяже-
мъ грѣхомъ. То же преданіе сообщаетъ далѣе, что
лачъ, тронутый жестокостью казни и поведеніемъ каз-
ннаго, снялъ вату съ его груди и самъ бросился въ
аменный костеръ. Словомъ, жестокость усиливала рев-
сть въ соблюденіи правилъ вѣры и обычаевъ предковъ,
Риму, для послѣдовательности, оставалось только мно-
ить казни и костры. Остававшіеся въ живыхъ законо-
ды собрались, однако, на совѣщаніе о томъ, долженъ-ли
родъ жертвовать жизнью во имя исполненія религіоз-
го закона, или долженъ подчиниться велѣніямъ эдик-
въ. Образовались два крайнихъ мнѣнія: одни утвер-
дали, что законъ данъ для жизни, а потому, если испол-
ніе его ведетъ къ смерти, можно его не исполнять;
угіе же полагали, что велѣніе Бога—выше всего и,
ѣдовательно, самой жизни. Послѣ долгихъ преній при-
рились на слѣдующемъ: всѣ законы вѣры могутъ быть
рушены, если исполненіе ихъ влечетъ за собою смерт-
ю казнь, за исключеніемъ — перехода въ язычество,
овосмѣшенія и кровопролитія (убійство и самоубійство).
и три закононарушенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ
ть терпимы даже и тогда, когда несовершеніе ихъ вле-
тъ за собою смертную казнь. Само собою разумѣется,
о это положеніе было обязательно только для народа:
коноучители же, даже тѣ изъ нихъ, которые утверждали,

что законъ данъ для жизни и что можно нарушать в
религіозные законы, если только исполненіе ихъ влеч
за собою смертную казнь, — даже эти жертвовали сво
жизнью, когда рѣчь шла о нарушеніи менѣе важнаго
лигіознаго закона. Такъ, Ханина бенъ-Терадіонъ за п
подаваніе закона былъ сожженъ на кострѣ, окутан
въ свитокъ закона и обложенный мокрою ватою. Так
за занятіе закономъ, публичному оратору Хуцпиту в
рѣзали языкъ и отдали на съѣденіе собакамъ. Такъ И
маэлю была отсѣчена голова за такія же занятія. Свид
телемъ такихъ и имъ подобныхъ жестокостей былъ Акиб
который, однако, не устрашился и продолжалъ собира
кругомъ себя своихъ учениковъ и преподавать имъ сло
Божіе. Напрасно Паппусъ предварялъ его, что онъ п
падется въ руки римлянъ, но Акиба ему привелъ уп
мянутый выше разсказъ о рыбѣ и лисицѣ, чтобы убѣди
его въ томъ, что бездѣйствіе въ этомъ отношеніи хуж
смерти. Смерть отдѣльныхъ людей Акибѣ казалась н
такъ страшна, какъ народное невѣжество, которое ра
носильно народному самоубійству. Очередь, такимъ обра
зомъ, дошла и до него. Римскіе шпіоны накрыли его,
Тиній Руфъ распорядился заключить его въ тюрьму
Грецъ полагаетъ, что это было сдѣлано Тиніемъ Руфом
для того, чтобы Акибу еще при жизни подвергать же
стокимъ истязаніямъ. Франкль, съ своей стороны, пола
гаетъ, что Акиба былъ заключенъ въ тюрьму еще д
Баръ-Коквійской войны, какъ бунтовщикъ, къ котором
должны были, однако, относиться съ уваженіемъ въ вид
его авторитетности въ глазахъ народа. Но мнѣніе Франкл
намъ представляется ошибочнымъ, потому что имѣй рим
ляне малѣйшее подозрѣніе въ бунтѣ, они предупредил
бы войну, которая, однако, для нихъ явилась совершенн
внезапно. Затѣмъ и взглядъ Греца ничѣмъ не подтвер
ждается, потому что не сохранилось никакихъ свѣдѣні
о томъ, чтобы Акиба подвергался въ тюрьмѣ какимъ
либо пыткамъ, или чтобы его заключеніе было обстав

ю строгостями, преграждавшими всякій доступъ къ ıу. Скорѣе всего слѣдуетъ полагать, что, въ виду авторитетности Акибы, могла быть надежда, что въ Римѣ становятъ казнь, къ которой онъ былъ приговоренъ. ı видѣли, что сейчасъ послѣ разрушенія Бетара, когда жестокости были въ самомъ разгарѣ, нашли возможнымъ оставить въ живыхъ сына президента академіи, а потому жно допустить и то, что Акиба, стоявшій выше всѣхъ оихъ современниковъ-законоучителей и пользовавшійся и этомъ славою лингвиста и математика, также вызылъ особое отношеніе къ себѣ со стороны мѣстной власти, оторая безъ разрѣшенія Рима не могла поступать самовластно. Вотъ почему и прошло нѣсколько времени между уждeніемъ Акибы и приведеніемъ приговора въ исполненіе. Попавъ въ тюрьму, Акиба уже нашелъ тамъ Паппуса, того самаго Паппуса, который удерживалъ его отъ еподаванія закона. При видѣ Акибы, Паппусъ вздохнлъ и сказалъ: „теперь я вижу, что ты правъ: ты попалъ сюда за святое дѣло, а я ни за что". Сидя въ рьмѣ, Акиба не забывалъ своихъ послѣдователей, которые ухищрялись различными способами добиваться отъ го отвѣта на сомнительные вопросы галахи. Такъ, Іоханъ, притворившись разносчикомъ товаровъ, явился предъ ремной стѣною съ разными товарами, выкрикивая: „кто пнитъ иголки, кто--вилки, что съ актомъ о расторжеи левиратскаго брака?" Акиба, понявъ намекъ, отвѣлъ: „имѣешь-ли для продажи веретено, имѣешь „дѣйвительно!?" Другіе изъ его послѣдователей проникали же въ тюрьму и имѣли съ нимъ собесѣдованія о толваніи закона. Они не уступали ему въ безстрашіи. ному изъ учениковъ, Р. Шимону, сыну Іехои, Акиба къ бы стѣснялся давать наставленія въ законѣ, а тотъ станвалъ. Со вздохомъ сказалъ ему Акиба: „сынъ мой, мъ больше теленокъ сосетъ, тѣмъ больше матери хотся его кормить". Акиба далъ ему понять, что ему еще олѣе, чѣмъ самому Шимону, хочется продолжать ученіе,

но что, очевидно, невозможно это сдѣлать по причина которыя онъ не счелъ возможнымъ объявить. Но вск наступилъ роковой часъ для Акибы. Смертная ка исполненная въ присутствіи Тинія-Руфа, сопровождал отодраніемъ кожи клещами. Эта жестокость не истор ни одного стона изъ груди мученика: напротивъ, о какъ бы съ наслажденіемъ произносилъ слова: „слуш Израиль, Господь Богъ нашъ—Господь единый!“ На просъ Тинія-Руфа: „не кудесникъ-ли онъ, или, быть жетъ, ему желательно еще большей жестокости?“ Ак отвѣтилъ: „Я не кудесникъ, но я радуюсь, что мнѣ пр шлось исполнить то, что всегда у меня считалось вы шимъ идеаломъ, а именно—заповѣдь: „люби Господа Бо твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всей душою своей и всѣ твоимъ добромъ, т. е. если тебя даже лишатъ жизни Послѣднее дыханіе Акибы закончилось словами: „Бог единъ!“ Преданіе говоритъ, что тутъ же послышался ра давшійся свыше голосъ: „благо тебѣ, Акиба, что послѣ нее дыханіе твое остановилось на словахъ: „Богъ единъ благо тебѣ, Акиба, что ты удостоился жить въ буд щемъ мірѣ“. Послѣ смерти Акибы тѣло его было тай унесено его приверженцами и похоронено съ почестям Позднѣйшее потомство говорило, что со смертью Акибы р шились столбы закона и засорились источники мудрост

Такова величавая фигура Акибы! Онъ великъ свое любовью, онъ великъ своею скромностью, онъ вели своею внутреннею борьбою, борьбою съ учителями и ко легами, онъ великъ въ обхожденіи съ учениками, о великъ своею общественною дѣятельностью, онъ вели своею любовью къ народу, онъ великъ въ борьбѣ римлянами. Едва ли какая-нибудь эпоха можетъ выс вить такую колоссальную личность, которая отличалась такими разносторонними качествами ума и сердца, сое няла бы въ себѣ, какъ въ немъ высшее знаніе съ широк практическою дѣятельностью, зрѣлость ума съ юнош скимъ воодушевленіемъ, высокій авторитетъ съ необ

чайною скромностью, миролюбіе съ самоотверженностью, мягкость сердца съ мужественною стойкостью. Всѣ эти разностороннія противоположности примирялись въ одной общей, основной идеѣ—любви къ народу. Эта любовь, которая совершенно срослась съ его нравственной личностью, развивала и поддерживала въ немъ всѣ тѣ умственныя и нравственныя силы, которыя оказались необходимыми для осуществленія народнаго блага. Онъ жилъ и дѣйствовалъ во имя той высшей, объединяющей силы, во имя того высшаго идеала совершенства, добра и любви, который составлялъ сущность всѣхъ его стремленій и виталъ надъ его угасающимъ взоромъ въ послѣднія минуты жизни. Не даромъ легенда окружила его такой славой, что самъ Богъ гордится имъ предъ первымъ человѣкомъ, сами ангелы чувствуютъ къ нему ревность, самъ Моисей склоняется предъ нимъ, современное ему поколѣніе величаетъ его самой галахой, а потомство—столбомъ закона и чистымъ источникомъ мудрости. Такое сложившееся въ народѣ о немъ воззрѣніе, пережившее тысячелѣтія и живо сохранившееся понынѣ, есть лучшій памятникъ его генія, который осѣнилъ своею силою духъ народа и обновилъ его свѣжею струею изъ чистаго источника мудрости и высшихъ идеаловъ.

DATE DUE			